

ГЕОРГИЙ СВИРИДОВ

Военные
Приключения

СТОЯТЬ ДО ПОСЛЕДНЕГО

Разведчик Игорь Миклашевский

Георгий Свиридов

Стоять до последнего

«ВЕЧЕ»

1975

Свиридов Г. И.

Стоять до последнего / Г. И. Свиридов — «ВЕЧЕ»,
1975 — (Разведчик Игорь Миклашевский)

ISBN 978-5-4484-7755-3

Чемпиона Ленинграда по боксу Игоря Миклашевского не зря называют надеждой отечественного спорта. Но в жизнь боксера, как и в судьбу его товарищей по сборной, врывается Великая Отечественная война. Неравные бои, первые потери, отступление, блокадный Ленинград — такие испытания приходится выдерживать вчерашним спортсменам. А Миклашевского ждет еще одна опасная дорога — в логово фашистского зверя...

ISBN 978-5-4484-7755-3

© Свиридов Г. И., 1975

© ВЕЧЕ, 1975

Содержание

Часть первая. Взорванные будни	6
Глава первая	6
1	6
2	9
3	10
Глава вторая	14
1	14
2	16
3	17
Глава третья	20
1	20
2	22
3	23
Глава четвертая	27
1	27
2	30
3	32
Глава пятая	34
1	34
2	36
3	39
4	40
Глава шестая	41
1	41
2	41
3	45
4	47
Глава седьмая	48
1	48
2	50
Глава восьмая	55
1	55
2	58
Глава девятая	59
1	59
2	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Георгий Иванович Свиридов
Стоять до последнего
Роман

* * *

© Свиридов Г.И., наследники, 2019

© ООО «Издательство „Вече“», 2019

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2019

Часть первая. Взорванные будни

Глава первая

1

Черная «эмка», вымытая дождем, который кончился как-то сразу, катила по мокрому Невскому проспекту; прохожие не обращали на нее внимания, ибо она ничем особенным не отличалась от других машин, лишь постовые милиционеры на перекрестках провожали ее глазами. Они хорошо знали автомобиль заместителя начальника областного управления госбезопасности подполковника Телеверова.

Телеверов – крупный, большеголовый, осанистый, неторопливый в движениях – сидел сзади шофера, откинувшись на кожаную подушку, и мял в сильных пальцах папиросу, не решаясь закурить. Курить хотелось чертовски, но Николай Гаврилович сдерживал себя, потому что норму свою дневную уже почти всю отдымил и осталась эта одна, последняя из тех десяти, которые Телеверов по внутреннему приказу отпускал себе на сутки. Еще недавно дымил Телеверов беспрестанно, сутками просиживал в накуренном кабинете, не думая о своем сердце, которое, как все здоровые люди, не замечал, пока оно властно не заявило о себе и не уложило в постель. Слег Телеверов, когда еще только-только начиналась оттепель, а встал уже в конце мая. Врачи, как шутил Николай Гаврилович, произвели ему «полный капитальный ремонт без замены основных агрегатов» и категорично посоветовали прекратить «соревнование с главной трубой Кировского завода по количеству выпускаемого дыма».

Помяв пальцами папиросу, которая пахла удивительно мягко и сладко, Телеверов раздавил ее и, выбросив в открытое окно, кашлянул раз-другой, однако за портсигаром в карман не полез.

– Через пару месяцев, Сеня, окончательно брошу дымить и повешу в кабинете дощечку: «Здесь не курят», – сказал Телеверов чуть хрипловатым голосом соседу, сидевшему рядом. – Приезжай, сам убедишься.

Тот, кого Телеверов ласково называл Сеня, был ему ровесником, хотя выглядел значительно моложе, несмотря на седину, осевшую легким инеем на виски. Седина ему шла, она делала мягче его обветренное лицо, сглаживала суровость. Сеня, или, вернее, полковник Семен Васильевич Ильинков, был другом молодости, вместе с Телеверовым они, слесари с Путиловского, начинали службу в первых отрядах рабочей гвардии, бились с Юденичем, несли охрану в Смольном, давили мятежи белогвардейцев в Питере, стали чекистами, сопровождали поезд, в котором Советское правительство во главе с Лениным переезжало в Москву, потом дрались на фронтах, работали в особых отделах. Ильинков служил в Москве, занимая высокую должность.

– Вижу твою настойчивость, Никола, но верится с трудом. Придется приехать, чтобы лично убедиться.

– Так я тебе о том говорю, Сеня! Жаль, что командировку твою так сразу свернули. Думал, махнем с тобой на рыбалку, проведем денек на природе. И сына с собой прихватим. Вырос же. Меня догоняет ростом. Скоро паспорт получит.

– В следующий раз обязательно порыбачим, Никола, обязательно, – ответил Ильинков, взглянув на часы, добавил: – До отхода моего поезда еще четыре часа. Давай оставим машину и немного прогуляемся пешком, а?

– Может, в театр?

– Настроение у меня не театральное.

Телеверов в ответ кивнул. У него самого кошки скребут на душе. Упустили разведчика, вернее, шпионку, которая, судя по «почерку», работала на немцев. Из Таллина вчера пришла шифровка: «Вилму взять не удалось». Потом пришло подробное сообщение, из него стало ясно, что молодая, белокурая, очень привлекательная женщина, называющая себя Вилмой, действительно два месяца проживала по указанному адресу в центре города, снимая отдельную комнату, в которой несколько раз встречалась с советским офицером, высоким стройным брюнетом.

Этот «высокий стройный брюнет», старший лейтенант П. Соломакин, был задержан в пригороде Ленинграда на одном аэродроме, когда фотографировал самолеты. На допросах он изворачивался, лгал, отмалчивался, пытался запутать следователя, но под тяжестью неопровержимых улик, добытых при аресте, старший лейтенант вынужден был сознаться.

История его падения весьма простая. Будучи в служебной командировке в Таллине, он познакомился с красивой эстонкой Вилмой, студенткой университета, допоздна гулял с ней по улицам, ходил в кино, посещал рестораны, ночевал у нее на квартире. Доверялся ей, как близкому человеку, болтал лишнее о службе в зенитном полку, о жизни в дивизионе...

В один из дней Вилма с мягкой улыбкой сообщила старшему лейтенанту: «Милый, мы можем хорошо заработать и роскошно жить. Смотри, все, что ты мне рассказывал, я записала и передала в надежные руки. Вот фотокопия». Соломакин пробежал глазами текст и побледнел. Он отлично понимал: попадет такая фотокопия в руки чекистов – ему несдобровать. Чутьем догадывался, что Вилма не одна, в соседней комнате находятся ее сообщники и следят за ним, за каждым его движением, прислушиваются к каждому слову. А Вилма обнимала его и шептала ласковые слова, что им будут много платить за каждое такое сообщение, они поднакопят денег и уедут за границу. После этих слов она выложила перед растерявшимся старшим лейтенантом пачку денег: «Бери, это все твое!»

Оттолкнув Вилму, Соломакин вскочил, подбежал к окну и услышал за спиной угрозы: «Если ты не согласишься, то сегодня же такую фотокопию перешлют в НКВД... Тебя арестуют и меня...» Он ждал всего – окрика, приказа, выстрела в спину... Ему показалось, что и она случайно запуталась, попала в западню, что сейчас важно выиграть время, потом он раскроет глаза Вилме, она поймет и они совместными усилиями распутают паутину, разоблачат вражескую агентуру. На какое-то время наивный старший лейтенант даже почувствовал себя героем, которому удалось проникнуть в змеиное гнездо. Не задумываясь, он подписал текст обязательства сотрудничать с эстонским Комитетом спасения.

Дальнейшие события развивались по заранее разработанному сценарию: Вилма бешено, как показалось старшему лейтенанту Соломакину, тратила деньги, которые ему приходилось «отрабатывать». Когда же он наконец начал понимать, что зашел слишком далеко, то его любезно предупредили, пригрозив отправить в гости к прабабушке.

Дорожа собственной шкурой, бывший старший лейтенант выполнял задания немецкой разведки, ибо так называемый эстонский Комитет спасения находится под контролем абвера. Теперь он заслуженно понесет суровую кару, а вот Вилма ускользнула...

Телеверов положил руку на плечо шофера.

– Прижмись, Михеич, к тротуару.

Водитель притормозил «эмку» у круглой тумбы. В глаза Ильинкова бросились крупные синие буквы «Бокс». Полковник любил спорт сильных и мужественных. Он пробежал глазами афишу.

– Ты меня, Никола, в театр заманиваешь, а у вас тут личное первенство Ленинграда проходит.

– Сегодня финальные бои, – вставил шофер, тоже, видимо, желавший посмотреть поединки на ринге. Телеверов посмотрел на часы:

– Опоздали, уже тридцать пять минут прошло после начала...

– Бокс можно смотреть и с середины, ибо каждая пара бойцов разыгрывает свой спектакль, притом естественно и без режиссуры. – Ильинков быстро уселся на свое место. Едем?

Попасть на соревнования оказалось не так просто. Билеты в кассе были давно проданы, и желающие посмотреть финальные поединки толпились у входа. Два дюжих контролера и милиционер забаррикадировались по ту сторону парадного входа и никак не хотели открывать двери. Пришлось вызывать администратора. Тот долго не приходил, а явившись, начал недовольным тоном что-то бурчать, но, увидев под габардиновым пальто Телеверова малиновые петлицы со шпалами, сразу изменился, даже не стал смотреть удостоверения личности, предъявленные Телеверовым и Ильинковым, нашел билеты, провел их вместе с шофером в гудящий зал, усадил, вручил каждому программку.

– Какая пара работает? – спросил Ильинков, раскрывая программу.

– Шестая, – ответил администратор. – Полусредний вес. Обратите внимание на Запорожского, он теперь за флот выступает. Античная фигура, настоящий Аполлон! Работает, как машина... Специалисты утверждают: будет в этом году первой перчаткой страны! Он в следующей паре боксирует.

Ильинков слушал словоохотливого администратора и смотрел на ринг. Истекали последние минуты третьего раунда.

– Запорожский – это сила, товарищ полковник, – вставил шофер. – Классный боксер!

– Но чемпионом страны ему навряд ли стать, там в среднем весе пока сильнейшим является москвич Иван Ганыкин, – безапелляционно сказал Ильинков, знавший ведущих мастеров столицы.

– Наш Иван Запорожский в прошлом году на матчевой встрече Москва – Ленинград свалил Ганыкина. Нокдаун был чистенький! – не унимался шофер.

– Случайный удар, да и Ганыкин поскользнулся, говорят. А потом все же Ганыкин собрался и выиграл поединок.

– Ему просто подсудили. А в этом году наш Ваня Запорожский себя покажет!

– Проигравший всегда имеет перспективу взять реванш, – философски заключил Телеверов, усаживаясь поудобнее. – Сейчас мы увидим, так сказать, красу и гордость нашего ринга в действии. – И спросил шофера: – Кто сегодня выходит против него?

– Какой-то Миклашевский... Мастер спорта. Ленинградский военный округ, – прочел водитель. – Случайно вырвался в финал. Игра будет, как говорят, в одни ворота.

– Миклашевский? – оживился Ильинков. – А как звать? Не Игорь ли?

– Так точно, товарищ полковник, Игорь Миклашевский. Вы его знаете?

– Знаю одного Миклашевского Игоря, вернее, видел не раз на ринге. Он из Московского института физкультуры, хороший боксер, думающий.

– У нас тоже попадают думствующие боксеры, – встрял в разговор сосед справа, пожилой мужчина интеллигентного вида. – Подумают, подумают и отказываются выходить против Запорожского. Ваш не из таких?

– Если тот самый, то не из таких, – ответил Ильинков и стал звонко хлопать в ладоши.

– На ринг приглашаются боксеры среднего веса, – громко объявил диктор, поднося микрофон к губам. – Мастер спорта Игорь Миклашевский, спортивный клуб армии, и чемпион Ленинграда, чемпион Балтийского флота мастер спорта Иван Запорожский!

Сразу наступила короткая тишина. Внимание зала было приковано к рингу, потом раздался взрыв ликования. Под радостные выкрики и приветственный топот по ступенькам на помост первым поднимался Запорожский. Высокий, светловолосый, уверенный. На плечах темно-синий мохнатый халат. Рядом с ним, перекинув небрежно через плечо полотенце, шествовал тренер, самодовольный, рано располневший плотный мужчина. Ильинков скольз-

нул взглядом по Запорожскому и по манере держаться, по нагло-уверенной улыбке понял, что на ринге признанный ас, избалованный успехом и победами.

Появление Миклашевского зал встретил сдержанно. Редкие хлопки лишь подчеркнули отношение зрителей к новичку. Его просто рассматривали. Рассматривали внимательно, оценивая. И прикидывали – сколько минут он сможет продержаться против Запорожского.

Миклашевский внешне был не так эффектен и чуть проигрывал своему сопернику. Выглядел он несколько моложе, был тоньше в талии, более худощав, хотя шириной грудной клетки несколько не уступал Запорожскому. Во всем его облике сквозила природная мягкость, интеллигентность, за которой не угадывалась обычная бойцовская напористость. Он напоминал скорее артиста, исполняющего роль боксера, нежели настоящего мастера ринга.

– Ваш? – Телеверов кивнул в сторону Миклашевского.

– Вроде он самый, – сказал Ильинков и тише добавил: – Видимо, его призвали в армию, потому и оказался в Ленинграде.

2

Анатолий Генрихович Зомберг, тренер армейцев, перед боем ни на минуту не покидал Миклашевского. Тренер понимал состояние своего боксера, хотя тот и старался скрыть волнение и нервное напряжение. Нелегко выходить против чемпиона!

За последние годы Запорожский не знал поражений в родном городе. Боксеры, встретившись один-два раза с его кулаками, спешили убраться из средней весовой категории. Одни, не мудрствуя, сгоняли вес, парились в бане, потели в тройных лыжных костюмах на тренировках и спускались в более безопасный полусредний вес. Другие торопливо наращивали килограммы и уходили выше, в полутяжелую весовую категорию.

Зомберг, откровенно говоря, опасался, что и Миклашевский после боя с Запорожским начнет искать «благородный повод», чтобы уйти в иную весовую категорию. Хотя в глубине души тренер почему-то верил, что пришедший в сборную округа лейтенант зенитных войск Игорь Миклашевский, недавний студент выпускного курса Московского института физкультуры, обладает незаурядными способностями, если не сказать – врожденным талантом турнирного бойца. Опытный глаз тренера видел многое, через его руки за десять лет работы прошла не одна сотня парней, стремившихся сделать карьеру на ринге, но такого еще не попадалось! Особенно бросилась в глаза тренеру необычная, почти мгновенная реакция, стремительность маневра и быстрая восстанавливаемость Миклашевского, который, казалось, не знал, что такое усталость. И удар у Игоря был, приличный удар. Особенно прямой справа. Блеск! Зомберг был убежден, что боксер, не обладающий ударом, вовсе не боксер, а фехтовальщик на кулаках. Ринг имеет свои законы и там, сколько ни занимайся фехтованием, как искусно ни махай руками, все равно главную точку ставит нокаутирующий удар.

Вместе с тем Зомберг и побаивался нокаутирующего пушечного удара Ивана Запорожского, как бы тот не поставил крест на карьере молодого армейского средневеса.

И надо же было случиться, что в раздевалку заглянул Запорожский. Раскрыв дверь раздевалки пинком ноги, он вошел уверенной походкой и несколько секунд изучающе смотрел холодными глазами на Миклашевского. Высокий, светловолосый, на плечах мохнатый синий халат, небрежно стянутый в талии поясом, стройные сильные ноги, коричневые франтоватые боксерки на белой лосевой подошве.

Зомберг шагнул вперед и, вытянув руку, указал на дверь:

– Прошу!

Но тот сделал вид, что не заметил тренера.

Подбоченясь, Иван Запорожский пренебрежительно покачал головой, как бы сочувствуя Миклашевскому, и процедил сквозь зубы:

– Советую не выходить на ринг. Второе место для тебя и так много.

Миклашевский, к удивлению тренера, не вспыхнул, не ответил дерзостью и не сник перед признанным авторитетом. Он просто улыбнулся, как улыбается старший младшему, и с чувством собственного достоинства спокойно ответил:

– Будем драться.

Лицо Запорожского сразу сделалось злым. Он не привык к таким ответам. Криво усмехнулся, многозначительно произнес:

– Пожалеешь!

Круто повернувшись, Запорожский крупными шагами вышел из раздевалки.

– Ринг покажет! – сказал ему вслед Миклашевский. – На меня психическая не действует, организма не воспринимает!

3

Едва прозвучал гонг, Запорожский ринулся вперед, ринулся без разведки, самоуверенно и нахально. По рядам зрителей, до отказа заполнивших просторное помещение цирка, прокатился одобрителный гул. Зрители жаждали видеть своего фаворита в стремительном наступательном порыве.

– Прокати слева направо, а потом наоборот!

Запорожский был эффектен. Сильное, тренированное тело, хорошо сложенное, как у тех мраморных фигур из античного мира, что застыли на аллеях Летнего сада, дышало мощью и энергией. Белая безрукавка лишь подчеркивала рельефно выступающие мышцы, которые, словно стальные шары, перекатывались под тонкой светлой кожей. Чуть нагнув к левому плечу светловолосую голову, отчего его нос с легкой горбинкой становился похожим на клюв орла, выставив вперед левую руку, Запорожский мягкими быстрыми шагами устремился по диагонали в противоположный угол, готовый смести все на своем пути.

Миклашевский едва успел повернуться к сопернику, как тот был уже рядом и пустил в ход свои литые кулаки.

– Давай, дави! – крикнул кто-то и осекся.

На ринге произошло что-то непонятное. Молодой армейский боксер, которого должен был смести чемпион флота, в последнее мгновение сделал короткий шаг в сторону и вперед, сделал неуловимое движение телом, и Запорожский, вложивший в свой напор всю силу, потерял равновесие и плюхнулся на канаты. Они спружинили и удержали падающего моряка. По лицу и шее чемпиона, на которой вздулись жилы, пошли красные пятна. Запорожский негодовал. Используя пружинистую силу канатов, он оттолкнулся от них и снова бросился на Миклашевского.

Тот, кто сидел поближе к рингу, видел спокойствие, удивительное спокойствие на лице Игоря и точный расчет каждого движения. Запорожский трижды кидался на соперника со своим излюбленным правым крюком в голову, и каждый раз его кулак, спрятанный в пухлую кожаную перчатку, не доставал до желаемой цели каких-то двух-трех сантиметров, и все три раза Иван постыдно терял равновесие... А Миклашевский издали наносил прямые удары одной левой, колющие, неприятные, дразнящие. И набирал очки!

К середине раунда вспышка негодования, охватившая Запорожского после первых неудачных атак, потухла, словно его окатили холодной водой, и уступила место опыту турнирного бойца. Иван взял себя в руки, каждую атаку стал готовить более тщательно. Соперники закружились в центре ринга, словно исполняли под всеобщее молчание таинственный ритуальный танец. Каждый зорко следил за другим, по еле уловимому изменению положения ног стараясь угадать начало атаки.

– Армия, жми!

– Флот, атакуй!

Всплески атак стали проходить реже, но более яростно.

Соперники осыпали друг друга стремительными сериями ударов. Ильинков понимал, что вот-вот должен наступить критический момент. Вспышки атак были лишь подготовкой к решающему штурму. Запорожский плетет тонкую сеть, стремясь запутать, увлечь армейца, чтобы потом в удобный миг единым броском кончить игру.

Тренер Миклашевского сидел на табурете возле угла ринга и, комкая мохнатое полотенце, всем телом подавался вперед, туда, за канаты ринга. Хотелось крикнуть, дать совет, но подсказывать нельзя, судья на ринге строг, он тут же остановит поединок, сделает предупреждение. А как хочется подсказать, предостеречь!

– Спокойнее, Игорь, не увлекайся, – беззвучно шептал одними губами Зомберг. – Будь начеку! Смотри за правой!

Игорь Миклашевский в вихре серийных атак, как лоцман в бурном проливе, умело лавировал, уходя от опасных подводных скал и скрытых течений. А темп боя нарастал и, кажется, достигал своего высшего накала. Вот-вот должна наступить развязка, кто-то из них двоих допустит роковую ошибку, и тогда... Но неожиданно и звучно в притихшем помещении раздался медный звук гонга.

– Стоп! – крикнул судья на ринге, высокий моложавый армянин с редкими седыми волосами. – Брэк! Раунд кончился!

Запорожский направился не спеша в свой угол и не сел на табурет, а взялся руками за канаты, дважды низко присел и снова встал, подставив улыбающееся лицо тренеру, всем своим видом показывая, что прошедший раунд для него пустяк, что сил у него много. Косиков, невысокий, плотный, круглолицый, с крупным носом и маленькими буравящими глазками, небрежно помахивал полотенцем, вытирал резиновой губкой, смоченной в воде, распаленное лицо, шею, грудь боксера и торопливо нашептывал советы.

Миклашевский сидел в своем углу, положив отяжелевшие руки на канаты и откинувшись спиной на тугую подушку. Зомберг в такт дыханию махал полотенцем, как бы помогая боксеру побольше набрать в легкие освежающего кислорода.

– Следи за правой, Игорь... Он бьет на скачке, – анализировал тренер. – Встречай вразрез кросом, через руку... Понимаешь, через руку!

Миклашевский кивал, искоса поглядывая на Запорожского. Красуется! Меня этим не возьмешь. Игорь улыбнулся сухими губами, увидев темные пятна пота на белой майке соперника. Они расплзающимися кругами легли под мышками.

– Помни, встречай через руку, – напутствовал Зомберг, когда прозвучал гонг.

– Второй раунд! – судья взмахнул рукой. – Бокс!

Они теперь оба спешили друг другу навстречу и сошлись в середине ринга, схлестнулись и закружились, осыпая ударами, плетя финты и обманные движения. Каждый был начеку и зорко следил за партнером.

Миклашевский выставил вперед левую руку, как шпагу, и ею непрестанно тревожил Запорожского. Рука работала, как отбойный молоток. Великая сила – хорошо поставленная левая рука, четкий прямой! Простой и безыскусный, как таблица умножения, левый прямой удар таил в себе нескончаемый запас всевозможных комбинаций и вариантов. Он то становился дразнящей шпагой, колющей легкими ударами самолюбие соперника, то был обманным движением, скрывающим атаку, то вдруг превращался в грозный стопорящий удар, могущий сразу пресечь волну серийной атаки.

Запорожский все шел и шел вперед. Его коричневые перчатки, как молнии, мелькали в воздухе. Казалось, у моряка было не две, а по крайней мере дюжина рук. Не было силы, могущей остановить его, сдержать напор. Миклашевский отступал, отстреливаясь одиночными

ударами, но что они могли сделать против массивной атаки чемпиона? В середине раунда наступил тот долгожданный момент, когда судьба поединка решалась в считанные мгновения.

– Иван, давай!

Над рядами зрителей снова пронесся одобрительный гул. Еще бы не радоваться, когда их фаворит показывает высший класс бокса!

– Ваня, кончай!

И вдруг бой прервался, неожиданно и резко, как будто бы лопнула струна, натянутая до предела. Зрители недоуменно смотрели на ринг и ничего не могли понять. Иван Запорожский, который так красиво и увесисто обрабатывал армейского боксера, плюхнулся на брезентовый настил, словно у него из-под ног выбили доски помоста.

Развязка, казалось, была неожиданной и для судьи, который ближе всех находился к боксерам. Он на какую-то долю секунды замешкался, потом решительно оттолкнул Миклашевского, показывая в дальний нейтральный угол ринга, и громко открыл счет:

– Раз!..

– Ну как? – спросил Ильинков притихших соседей.

– Классно дает, – ответил шофер.

Знатоки бокса, специалисты, тренеры, судьи, цепко следившие за перипетиями поединка, сидели как замороженные. Они видели все! Они поймали то неповторимое мгновение, принесшее драматическую развязку. Короткий, почти незаметный удар. Вроде бы и не эффектный, Миклашевский нанес его быстро, без размаха и подготовки, как обычный ответный. Но в нем была заключена скрытая взрывная сила мышц спины, пружинистых ног. Увернувшись от очередного броска Запорожского, подставив плечо под другой удар, нырнув под летящий кулак, Миклашевский, распрямясь, как пружина, ударил правой соперника в открытый подбородок...

– Два! – считал судья на ринге. – Три!..

Запорожский рывком приподнялся, сел, постепенно приходя в себя. Давно, ох как давно он не касался спиной пола ринга!

Косиков, ухватившись за канаты, чуть ли не вылезая на ринг, обалдело тарачил маленькие глаза, выкрикивал:

– Ванечка, соберись!.. Ванечка, вставай!..

– Пять! – вел счет судья. – Шесть...

Запорожский вскочил на ноги и поспешно поднял руки в боевое положение. По этим торопливым движениям было видно, что он думает не о нападении, а скорее о защите.

– Морячок, держись! – крикнул кто-то из болельщиков. – Отстреливайся одиночными!

Судья на ринге сделал шаг назад и подал команду:

– Бокс!

Но едва бойцы сошлись, как глухо прозвучал звук гонга, оповещающий об окончании второго раунда.

– Стоп! – крикнул судья и поднял руки. – Расходись!

Запорожский, небрежно пожав плечами, принял бравый вид и не спеша пошел в свой угол. На этот раз он сел на подставленный табурет. Косиков быстро обтер лицо его мокрым полотенцем, сунул под нос флакон с нашатырным спиртом.

Третий раунд начался неторопливо, оба боксера не спешили форсировать события, зорко следили друг за другом. Один еще окончательно не пришел в себя и больше делал вид, что восстановился и готов вести поединок в стремительном темпе, но только ждет удобного момента для атаки. А другой, Миклашевский, зная свое преимущество, не спешил закреплять успех, был все время начеку, осторожен, внимателен и удерживал в своих руках инициативу, всякий раз решительно пресекал любое посягательство точными хлесткими одиночными ударами.

Постепенно к середине раунда бой разгорелся с новой силой. Шли последние минуты, и решалась судьба чемпионского титула. Даже не верилось, что за плечами у боксеров два

тяжелых раунда, так легко они передвигались и стремительно атаковали. Запорожский, собрав остаток сил и призвав на помощь весь свой немалый бойцовский опыт, пытался каскадом атак вырвать победу. Но теперь и Миклашевский ему не уступал. Не отступал. И, погасив атаку, не давая передохнуть сопернику, сам шел вперед.

Гонг прозвучал тихо, почти неслышно. Судья на ринге буквально втиснулся между разгоряченными, тяжело дышащими соперниками и растолкал их:

– Все! Бой окончен!..

Боксеры секунду-другую ошалело смотрели друг на друга, потом с них слетел накал схватки, оба устало улыбнулись, как улыбаются люди после тяжелого труда. Миклашевский дружески протянул руки для пожатия, но Запорожский обнял лейтенанта и проводил до угла. Зал грохотал и гудел от аплодисментов и выкриков. Запорожский, обнимая Миклашевского, шептал:

– Не радуйся, салага... Тебе просто пофартило. Я вывихнул палец. Мы еще стукнемся!..

Миклашевский не успел ничего ответить, ибо так неожиданно прозвучали слова. Иван панибратски хлопнул его по плечу и удалился к своему тренеру.

– Что он тебе сказал?

– Так, пустяки... Снимите перчатки.

– Выкладывай! – тренер развязал шнурки и стянул пухлые рукавицы.

Миклашевский передал слова Запорожского. Тренер вытер мокрым полотенцем лицо, шею боксера.

– Проиграл и бесится!..

– Прошу на середину! – пригласил соперников судья и взял обоих за кисти рук.

– Победа и звание чемпиона города Ленинграда в среднем весе присуждается, – зал напряженно слушал хриловатый голос информатора, кричавшего в микрофон, – мастеру спорта Игорю Миклашевскому!

Судья рывком вскинул руку Игоря.

Потом состоялась церемония награждения. На ринг подняли пьедестал почета. Миклашевский стоял на высшей ступеньке. Главный судья турнира, грузный, седоусый, с орденом Боевого Красного Знамени на груди, пожимая руку новому чемпиону и призерам, надел на Миклашевского голубую ленту, на которой золотыми буквами было выведено – «Чемпион Ленинграда, 1941 год». Вручил диплом, ручные часы – ценный приз, букеты цветов. Поздравления сыпались со всех сторон.

Глава вторая

1

Последние дни июня выдались сухими и знойными. Григорий Кульга, примостившись у окна, пришивал подворотничок к выглаженной гимнастерке. Он был в синих форменных трусах, в которых не раз бегал кроссы и выходил на ринг, и в красной стираной безрукавке, внатяжку облежавшей его сбитое крупное тело, поросшее на плечах и груди рыжеватой шерстью. Майка ему коротковата: когда Григорий нагибался, она вылезала из трусов и обнажала белесую, незагорелую поясницу.

С майками у Григория беда, ибо на его грузную и рослую фигуру тяжеловеса не находили подходящего размера. Но он утешался тем, что не ему одному приходилось терпеть неудобства. Володе Чернову, боксеру наилегчайшей весовой категории, худощавому крепышу, и вовсе худо приходилось – все майки висели на нем, как платья на колу, и команда постоянно подтрунивала над парнем. Чернов всегда с собой носил запасные шнурки и перед выходом на ринг связывал плечики майки за спиной, чтобы они во время поединка не спадали и не мешали работать руками. Боксеры вечно над ним подшучивали и советовали купить атласную ленту, какую обычно девушки в косы вплетают, ну и для красоты бант соорудить за спиной... Чернов шутейные советы к сердцу не принимал и на ребят зла не держал, в ответ лишь посмеивался: что ему бы, мол, лучше в сборную флота податься, там настоящие мужские ленточки выдадут.

Заслышав такие слова, тренер Анатолий Зомберг хмурился. Длинное лицо его становилось плоским и сухим, у переносицы сходились белесые густые брови, и серые глаза холодно темнели. Тренер грозил «мухачу»¹ длинным указательным пальцем, на котором до половины не было ногтя:

- Я тебе дам, елки-моталки, сборную флота!
- Я просто так, Анатолий Генрихович, – начинал смущаться и краснеть Чернов.
- Сманивают? Ты прямо и говори, что скрывать!.. У них давно в наилегчайшем весе дырка. Не дырка, а прореха многолетняя... Чуть ли не в каждом турнире баранки хватают.
- Не собираюсь я туда, Анатолий Генрихович!
- А мы тебя, дорогой товарищ, и не держим. Сколько тебе еще служить?
- Два с половиной года.
- Через два с половиной года даже сверхсрочную предлагать не будем. Катись, пожалуйста, с попутным ветром, сборная Ленинградского военного, елки-моталки, без таких обойдется...

Григорий Кульга, заканчивая шить, подвернул край, чтобы не было лишка, и прикрепил белыми нитками угол подворотничка. Откусил зубами нитку, придирчиво оглядел свою работу. Белый хлопчатобумажный подворотничок выступал ровной тонкой линией над краем отложного воротника выглаженной гимнастерки. Танкист остался доволен и, воткнув иглу в катушку, намотал остатки ниток.

- Порядок в танковых войсках!

Чернов, намыливая кисточкой подбородок, не поворачивая головы, через зеркало подмигнул Григорию:

- Прилепил подворотничок?
- Ну пришил.
- Зря, тяж, ты в армию подался.

---

¹ «Мухач» – боксер наилегчайшего веса.

– Это почему же? – Григорий, не ожидая подвоха, добродушно улыбнулся. Боксеры насторожились: сейчас «муха» шутку отколет.

– Талант загубил, – Чернов, сделав кислую мину, печально закачал головой.

– Какой там еще талант?

– Кино «Портной из Торжка» видел?

– Не портной, а закройщик! И при чем тут кино?

– До сих пор не понимаешь, так я тебе глаза открою, счастье твое покажу. Ты не танкист, Гриша, а портной, лучший закройщик!

Боксеры заулыбались. Костя Игнатов, чистивший сапоги, выпрямился, и в его темных цыганских глазах запрыгали веселые искорки.

– Попался, тж, ничего не попишешь! Загнал он тебя в угол! Один – ноль в пользу «мухача».

– Я просто жалею его, – добродушно ответил Григорий, надевая гимнастерку.

– Жалеешь меня? – Чернов даже повернулся.

– Конечно, жалею. Стукнешь как «муху», а отвечать придется как за человека.

– Один-один! – заключил Игнатов под общий смех.

Григорий Кульга застегнул пуговицы, подпоясался. Выглаженная гимнастерка плотно облегла тренированное тело. Минуту назад, в майке, Григорий казался рослым деревенским парнем, а едва надел гимнастерку, как сразу изменился. Крупные черты лица его как бы преобразились, посуровели и стали иными, в них появилось больше твердости и прямоты, чем мягкости и добродушия. А четыре красных треугольника, поблескивавших на его темных танкистских петлицах, – знаки отличия старшины, – как бы проводили незримую линию между ним и остальными боксерами-армейцами.

– Подворотничок в армии – как паспорт на гражданке, – сказал Григорий. – Разгильдяя и ленивого за версту видать. Глянешь на подворотничок и сразу полное представление о бойце имеешь. Ясно, Чернов?

– Может быть, с твоей, командирской, точки зрения и правильно...

Кульга подошел к Игорю Миклашевскому. Тот был примерно одного с ним роста, широк в плечах, только поуже в талии, отчего у него четко вырисовывался треугольник спины и выглядел он значительно стройнее. Военная форма сидела на Миклашевском ладно. Да и лицом он был пригож. Высокий лоб, прямой нос, четко очерченные линии рта и слегка выступающий вперед подбородок говорили о решительности, гордости и сильной воле. Но эту суровость смягчали светло-каштановые, чуть вьющиеся волосы да такого же, орехового, цвета глаза, в глубине которых всегда угадывалась доброта и внимательность. Во всем его облике сквозила интеллигентность. Бойцы не раз подшучивали: мол, у Игоря в жилах течет голубая кровь, на что Миклашевский с улыбкой отвечал: «Вполне возможно, мои родители и родители моих родителей были артистами, а к артистическому миру всегда льнули титулованные носители кровей».

Кульга положил широкую ладонь на плечо Миклашевскому.

– Мысли твои уже там?

– Где? – Игорь не повернул головы, продолжая смотреть в окно, на пустой в этот воскресный день широкий двор, залитый солнечными лучами. В дальнем конце несколько курсантов, обнаженные по пояс, отрабатывали приемы штыкового боя, нанося уколы деревянными ружьями.

– В Петергофе на ринге.

– Нет, Гриша. Мысли мои дальше.

– Думаешь, главный бой с Иваном у тебя состоится не сегодня, а на первенстве страны?

Говорят, он тренируется, как зверь, к реваншу рвется.

– Я об Андрюшке думаю...

- О ком?
  - Об Андрюшке... Ему два года исполняется.
  - Извини, забыл. У тебя же сын.
  - Через пятнадцать дней ему два года. А я до первенства страны домой навряд ли смогу вырваться. Отпуск обещают лишь после личного первенства.
  - Чего тебе хныкать, лейтенант! Службы-то осталось с гулькин нос! Небось, дни последние считаешь?
  - Но они чертовски медленно тянутся, последние недели, – задумчиво произнес Миклашевский. – Еще июнь, потом весь июль и август.
  - Жену пригласил?
  - Обещала приехать.
  - С сыном?
  - С Андрюшкой. Он уже ходить умеет.
- В казарму скорым шагом вошел тренер Анатолий Зомберг. Моложавый, энергичный, подтянутый. Лицо его было сосредоточенным, белесые густые брови сходились у переносицы. Сухим голосом он распорядился:
- Мальчики, на выход! Елки-моталки, карета подана! – он вынул карманные часы, открыл крышку. – Отправление через восемь минут, ровно в одиннадцать ноль-ноль.

2

Позади остались улица Красных курсантов, мосты, проспекты Ленинграда. Старенький армейский автобус, аккуратно выкрашенный в темно-зеленый цвет, натужно урчал мотором и отмерял шинами колес последние километры по дороге в Петергоф.

Боксеры ехали шумно. Григорий Кульга стоял в проходе и дирижировал руками. Владимир Чернов, склонив голову набок, как бы прислушиваясь к баяну, разводил мехи, и бравый, спортивный марш, который пели боксеры дружно и азартно, вырывался в открытые окна автобуса:

Чтобы тело и душа были молоды,
Были молоды, были молоды,
Ты не бойся ни жары и ни холода.
Закаляйся, как сталь!

Зомберг перебрал в памяти каждый эпизод яркого поединка и, мысленно поставив себя на место тренера моряков, старался проникнуть в его думы, в его намерения. От него можно ожидать любого подвоха! Ради достижения победы он не посчитается ни с чем. Даже сомневаться не приходится. Ведь смог же Запорожский после боя, когда объявили победителем Миклашевского, прошептать такую гадость с улыбочкой: «Не радуйся, салага, тебе просто пофартило, я вывихнул палец...» Хитра бестия, елки-моталки! Сразу же, не сходя с ринга, попытался выкрутиться, оправдать свой проигрыш и смазать победу, честную победу Миклашевского. И сам Косиков хорош. Бесстыже подхватил «идею» и развил. Через несколько дней в спортивных обществах и тренировочных залах распространился слухок: дескать, Игорь Миклашевский победил случайно.

От таких разговоров радость успеха несколько поблекла, Игорь ходил хмурый и тренировался с каким-то остервенением, бил по мешку с песком так, словно перед ним находился обидчик. Зомберг понимал, что словами тут ничего не докажешь.

С тех майских дней прошло чуть больше месяца. Сегодня на открытой эстраде состоится матчевая встреча со сборной флота. Конечно же, центральным боем будет поединок Запорожского и Миклашевского.

3

Лихо развернув машину, водитель подкатил прямо к главным воротам и затормозил. Зомберг встал и трижды звучно хлопнул в ладоши. Наступила тишина.

– Не расходиться. Сейчас выясним, где будет взвешивание. После взвешивания найдем укромный уголок и отдохнем пару часов. Кульга, – поманил рукой Зомберг тяжеловеса, – пойдёмте со мной.

Боксеры стали выглядывать в открытые окна. Народ уходил из парка. Ни улыбок, ни смеха, ни песен.

– Дождя вроде не ожидается, – сказал Чернов, оглядывая ясное небо. – Сводку сам утром слушал...

– Денек на загляденье! Такие не густо выпадают, – добавил Костя. – Только загорать на солнышке да купаться.

– Может, случилось что? – сказал Ашот Васказян. – Может, какой-нибудь балшой человек... Как тогда Серго Орджоникидзе или писатель Горький, а?

– Не каркай, – отрезал Костя. – На душе у тебя перед боем кошки скребут.

– Мы тебе похороны устроим потом, после матча, если проиграешь, – улыбнулся Чернов и расстегнул ремешок на баяне. – А сейчас, Ашот, пой! Твою любимую, про ветер.

Васказян, выждав минуту, приятным тенором запел:

А ну-ка песню нам пропой,
Веселый ветер, веселый ветер...

Спортсмены дружно подхватили:

Кто весел, тот смеется,
Кто хочет, тот добьется,
Кто ищет, тот всегда найдет!

Дверь автобуса открылась – и Кульга, странно озабоченный и хмурый, не входя внутрь, приказал:

– Сворачивай концерт! Выходи!

Песня оборвалась на полуслове. Боксеры повскакивали, посыпались вопросы:

– Морячка притоптали?

– Где взвешивание? Здесь, в конторе, или на эстраде?

Кульга хмуро смотрел перед собой, как будто бы в первый раз видел армейский автобус, боксеров, потом, махнув рукой, быстро зашагал к воротам. Спортсмены недоуменно переглянулись и гурьбой пошли за Григорием.

У входа в парк на большом фанерном щите висела афиша, красочно выполненная художником. Еще издали бросались в глаза смугло-коричневые фигуры боксеров и короткое слово – «Бокс». Под ним, четким шрифтом: «Встреча сборной команды Краснознаменного Балтийского флота со сборной Ленинградского военного округа». Дальше несколько фамилий участников и их титулы.

Миклашевский, проходя мимо, скользнул взглядом по афише, встретил свою фамилию, и как-то стало теплее на душе. Он не был тщеславным, но известность имеет притягательную силу, и наверняка мало отыщется людей, которые останутся равнодушными к ней.

Контролерши, пожилые женщины, не спрашивая билетов, посторонились, пропуская военных. Одна из них, с печальными глазами, грустно вздохнула:

– Сыночки, проходите... Проходите...

Кульга шел, не оглядываясь. Боксеры старались не отставать от него. Беспокойство командира невольно передавалось им, хотя никто из спортсменов даже не догадывался о том, что произошло.

Тяжеловес повернул от ворот налево и направился к легкому летнему строению из дерева и стекла, ярко раскрашенному, над входом которого красовалась вывеска: «Ресторан».

Ресторан оказался почти пустым, хотя обычно в воскресный день в нем трудно найти местечко. Одинокие посетители молча пили и ели, быстро расплачивались и уходили.

– Сдвигай столы, – приказал Кульга.

Боксеры забеспокоились, каждый стал прикидывать сколько и чего сможет съесть.

– Мне сметаны полстакана, – Васказян показал пальцами.

– Я ничего есть не буду, пока не встану на весы, – категорично заявил Чернов. – У меня вес!.. Норма!..

– Я тоже не могу, – решительно сказал Костя и, сверкая глазами, уставился на тяжеловеса. – Зачем привел нас, Гриша? Смеешься, что ли?

– Заткнись! – грубо оборвал его Кульга и жестом показал на стулья. – Рассаживайтесь!

Подошла официантка, полногрудая и рослая, с белым передничком.

– Меню смотрели?

– Пиво есть? – спросил Кульга.

– Есть, свеженькое.

– Каждому по кружке и по сто граммов. Ну и какую-нибудь закуску.

Официантка понимающе кивнула и удалилась.

– Тяж, ты обалдел! – Чернов вскочил. – Перед боем пить водку?!

Миклашевский смутно догадывался, что свершилось что-то тяжелое и непоправимое, что боксерский матч, возможно, и не состоится. Смутное беспокойство охватило его. Игорь хмуро и зло посмотрел на Чернова, и тот сразу прикусил язык.

Официантка принесла наполненные пивом кружки, стопки, графин с водкой и гору закуски.

– Сдвинем кружки, ребята. На счастье, на удачу!.. Может быть, никогда больше не придется вот так, всем вместе, – глухо произнес Кульга, – час назад, в двенадцать, выступал по радио Молотов...

За столом стало тихо. От удивления и неожиданности лица боксеров вытянулись. Слышно было, как чуть поскрипывает венский стул под грузной фигурой тяжеловеса.

– Фашисты бомбили Киев, Ригу, Севастополь, Каунас, Львов... В четыре часа утра началось. По всей западной границе, от Балтики до Черного моря...

Игорь хмурил брови. Не верилось, что такое могло случиться. Как же так? Вроде коварного удара, нанесенного не по правилам, ниже пояса. Еще вечером в газетах, кажется, писали о дружбе, о пакте ненападения...

Костя Игнатов резко отодвинул кружку, пиво хлестнуло через край и расплылось бурым пятном на скатерти. Он оперся руками о стол и, приподнимаясь, тарашил глаза на старшину:

– Тяж, это же... война?!

– Да, Цыган, – сказал Кульга. – Война.

В ресторан пришел тренер. Анатолий Генрихович как-то сразу осунулся, постарел, усилием воли он старался сохранить на лице обычное спокойствие.

– Матч отменяется. У моряков в Кронштадте полная боевая... Нам тоже приказано возвращаться по своим частям.

Миклашевский положил на стол тяжелые кулаки, сжал до хруста. Война его не пугала. Он уже знал, что такое война. Был под обстрелом, имел ранение, правда, очень легкое, под Выборгом почти полтора года назад. Перед глазами вдруг встали печальные лица Елизаветы, Андрюшки... Все прочие мысли как-то сами собой отодвинулись, расступились. «Когда же теперь увижу Лизавету? Андрюшку? Да и встретимся ли?» Голос Кульги возвратил его к действительности.

– За нашу победу!

Звонко чокнулись. Выпили. Говорили шумно, громко. Зомберг вынул карманные часы, открыл крышку, изучающе смотрел на циферблат, словно стрелки могли ему подсказать что-то важное и главное, потом встал:

– Пора.

Они торопливо покинули ресторан. Выйдя из ворот парка, каждый невольно оглянулся, как бы прощаясь, грустно скользнул взглядом по красочной афише, на которой были изображены боксеры в ближнем бою.

Перед автобусом Кульга вдруг повернулся и поспешил к воротам. Подойдя к фанерному щиту, он вынул перочинный ножик и осторожно снял афишу.

– Товарищ военный, что вы делаете? – крикнула контролерша. – Нельзя брать!

– На память, – ответил Григорий, сворачивая плотный грубый лист бумаги. – Теперь это уже история.

Глава третья

1

Добравшись до Луги, Игорь Миклашевский на привокзальной площади встретил попутную машину из авиачасти. В кузове уже расположились несколько красноармейцев, механик и двое летчиков. Миклашевского узнали, к нему потянулись руки:

– Давай, боксер, скорее!

Игорь подал свой чемодан и забрался в кузов. Круглолицый с пушистыми бровями механик ладонью постучал по кабине:

– Трогай!

В кузове лежали два больших ящика и мешки. Миклашевский устроился на плотном брезентовом мешке рядом с летчиком. Игорь обратил внимание на шрам возле левого глаза и орден Красной Звезды на груди. Полупорка помчалась по брусчатой мостовой, мимо прокопченных корпусов тигельного завода, из труб которого в небо шел густой черный дым. Летчик, доставая папиросу из деревянного портсигара, предложил Миклашевскому:

– Закуривай, лейтенант.

– Спасибо, не курю, – ответил Игорь. – Берегу легкие.

– Предрассудки, – сказал летчик, чиркая зажигалкой. – Никто толком не знает, что полезно, а что вредно. – Он раскурил папиросу. – И мы не знаем, что ждет нас впереди, даже на один день вперед не знаем. Представляешь, позавчера меня провожали в отпуск, гуляли в ресторане на станции, а я только и успел добраться до Ленинграда, как началось... Ну, кинулся к военному коменданту, отметил документы – и назад.

Игорь слушал летчика со шрамом под левым глазом и невольно соглашался с ним, и еще думал о том, что Лизавета теперь к нему не приедет, ее просто не отпустят с работы. Думал он спокойно и рассудительно, как будто смотрел на свою военную жизнь со стороны. Волнения и переживания поутихли, приглухли, хотя все же было чертовски обидно, что война спутала все планы. А так хотелось выступить на чемпионате страны, на личном первенстве! Впрочем, слово «хотелось» он мысленно произносил лишь в прошедшем времени. Бокс тоже отодвинулся куда-то назад, в голубую дымку, в близкие довоенные дни, за ту невидимую резкую черту, которая властно перечеркнула, провела границу в жизни страны, в его жизни, четко отделив прошлое от настоящего, тревожного и неясного. Миклашевский расстегнул ворот гимнастерки, встречный ветерок трепал его волосы, освежал лицо...

А день выдался солнечный, по-летнему теплый. Позади оставались деревянные дома Луги. Машина свернула с большака на проселочную дорогу, которая легла потертым желтым армейским ремнем на ржаное поле и уходила в жидкий березняк, а за ним проглядывались огромные высокие ели.

Миклашевский, прижимая коленкой подпрыгивающий чемодан, держался правой рукой за борт кузова. Грузовик трясся и подпрыгивал на ухабах, колдобинах разбитой пыльной дороги, натужно гудел мотором.

– Ночью той мы дежурство несли, – видимо, не впервой рассказывал механик с пушистыми бровями о налете фашистов. – В землянке сидели, значит, мы, механики, летчики дежурного звена, и на нарах спал политрук. Мы болтали о том о сем. И тут вдруг слышим на рассвете отдаленный гул моторов. Летят, значит. Но кто летит, мы еще не знаем. А гул идет натужный, тяжелый. Мы, механики, народ дотошный, привыкли по звуку мотора многое определять. Нам, значит, сразу и понятно, что ненашенские самолеты, что не один и не эскадрилья – поболее. Пожимаем плечами в недоумении. А тут телефон захрипел. Звонят из штаба диви-

зии. Лейтенант Свешников схватил трубку. Слышимость была плохая. Он все переспрашивал. Политрук проснулся, не понимая, что происходит, не разобравшись, значит, возбужденно и радостно закричал: «МиГи прилетели! МиГи, понимаешь! Потому и звонят нам». А лейтенант Свешников все старался понять, что говорят из штаба, наконец вник и повесил трубку. А самолеты уже почти над самым аэродромом. Свешников, полураздетый, в нижней рубаше, хватается оружие свое и кричит: «Боевая тревога! Включай сирену!» Политрук хотел было возражать, но Свешников потянул его к выходу, показывая на блеклое небо: «Там не МиГи! Понятно?»

Миклашевский, подавшись вперед, ловил каждое слово механика. Ему, как и другим, хотелось поподробнее узнать о начале войны, о первом боевом крещении, о налете. Он жил уже командирскими заботами, мысленно перенеся к своим прожектористам. Все личное как-то само собой отошло на задний план.

– Сообщение о налете, значит, пришло к нам вместе с самим налетом. Как сейчас помню, мельком взглянул на циферблат ходиков в землянке, стрелки показывали три часа сорок одну минуту, – продолжал механик, заново переживая события. – Мы все, техники и мотористы, кинулись к своим истребителям, летчики бежали за нами, а на головы уже летели с воем бомбы. Летчики наши молодцы, прямо со взлета дежурное звено повело бой...

– А фашистов поймали прожектора? – жадно вставил вопрос Миклашевский.

– Насчет прожекторов, лейтенант, убей меня, что-то не помню. Может, и были они, только же стоят белые ночи, светло и так, как днем! А вот зенитки наши лупили здорово. Разрывы белыми облачками вспыхивали на небе, видно даже было очень хорошо. Только все недолет да мимо. И пулеметы застрочили, бойцы из винтовок палили, командиры из пистолетов. Я тоже, когда звено ушло в небо, схватил винтовку. Две обоймы разрядил!

– Сбили хоть одного? – допытывался летчик со шрамом возле глаза.

– Я-то? – переспросил механик. – Думаю, что попал, а вот сбить не сбил.

– Да не ты – истребители. Они же бой вели?

– Тоже не сбили.

– Ни одного? – не унимался летчик.

– Нет, ни одного.

– А наших?

– Три штуки.

– В воздухе?

– Наши как львы дрались! Разбомбили несколько наших самолетов и на земле. Шарашули по ним с первого захода. И еще Свешникова ранили. Он первым взлетел и сразу бой принял.

– Сильно ранили?

– Две раны получил. Одну в ногу, другую в правое плечо. В плечо угодили осколком, а ногу пробил пулей. Крови полон сапог был, когда стянули. Но кость не задело, это главное! Заживет. И самолет его, как решето, особенно плоскости. Весь день потом дырки латали.

– Жаль Свешникова, хороший летчик. А еще кому досталось?

– Трех оглушило, контузию получили, а восемь человек ранило легко. Но, представь, никого не убило. Никого! Только шуму наделали много. Не такие уж, видно, они вояки сильные...

– С выводами спешить не надо, – вставил второй летчик, молча слушавший рассказ механика. – Тут дело серьезное, фашисты почти всю Европу подмяли.

2

Миклашевскому хотелось дослушать рассказ механика, узнать еще больше подробностей о налете фашистов, но полуторка подкатила к развилке дорог и ему надо было слезать. Налево, по просеке, дорога вела к аэродрому, а направо – к прожекторной точке.

– Постучи, друг, пусть притормозит немного, – попросил рассказчика Игорь.

Механик энергично застучал ладонью по кабине. Едва грузовик остановился, Миклашевский спрыгнул на землю.

– Счастливых полетов, ребята!

– Удачной службы, лейтенант!

Машина ушла. Игорь свернул в лес на вытоптанную солдатскими сапогами тропу. По этой тропе Миклашевский ходил не раз, когда возвращался из города и добирался до развилки на попутном транспорте.

Он шел скорым шагом и продолжал думать о воздушном налете, про который только что услышал от механика, не замечая вокруг себя ни удивительной теплой тишины лета, ни величественного и умиротворенного спокойствия старого леса. Сладко пахло грибами, терпким настоем хвои, сосновой смолой, со стороны лощины доносился влажный запах болотных трав.

Все чаще стали попадаться светлые стволы сосен, меж ними замелькали беленькие тела тонких берез. Тропа изогнулась и спустилась в низину, где густо росли кусты орешника и черемухи. Миклашевский сделал несколько шагов в сторону и возле серого валуна, покрытого зеленым мхом, увидел родник. Вода весело выбивалась из-под земли, образуя маленькое живое блюдце, оно чуть заметно колыхалось, дышало. От родника брал начало своей жизни тихий ручеек.

Игорь поставил чемодан на камень, опустил на колено. Раньше Миклашевский всегда задерживался на несколько минут у лесного зеркала, смотрел на свое отражение, разговаривал с родником, а по сути дела сам с собой, шутливым тоном, когда было хорошее настроение, а при плохом просто сидел и смотрел, как рождалась жизнь тихого ручья, и думал о своих делах. Когда же бывало грустно и щемящее чувство захватывало лейтенанта тоской по дому, по жене, по сыну, Игорь тоже приходил к роднику.

Но сегодня Миклашевскому было некогда, он спешил. Напившись воды, Игорь подхватил чемодан и зашагал дальше, на свою прожекторную точку. Добравшись наконец до расположения батареи, Миклашевский пошел искать взводного.

Лейтенант Харченко сидел под сосной на разостланной шинели и что-то сосредоточенно высчитывал, записывая карандашом в школьную тетрадку. Ворот гимнастерки у него был расстегнут, проглядывал потерявший свежесть подворотничок. На смуглом, наспех выбритом лице хмурились выгоревшие, посветлевшие брови, отчего нос заострился и стал еще длиннее. Взводный рассеянно слушал доклад лейтенанта и, едва тот кончил, спросил:

– Ты в математике силен?

– Не очень, – Миклашевский пожал плечами. – В школе были четверки за контрольные работы, но десятый, сам знаешь, кончил давно...

– Все равно садись, вдвоем кумекать будем.

– Может, сначала к своему расчету сбегать?

– У тебя там полный порядок, а вот у соседей, в артбатарею, сплошная беда, – и Харченко рассказал, что во время налета немцы применили бомбометание с пикирования.

– Правила стрельбы лучше отработать надо, – твердо произнес Миклашевский.

– Беда не только в правилах... Техника наша, понимаешь... – в голосе взводного прозвучали раздражение и злость.

Миклашевский удивленно посмотрел на лейтенанта, который еще неделю назад был строгим и ярым поклонником всех правил и наставлений, требовал зубрить наизусть параграфы и пункты от точки до точки. Сам он слыл ходячим справочником. «Как это называется?» – задавал вопрос Харченко и без запинки отвечал: «Вышеизложенная прицельная планка...» И вдруг – такая разительная перемена!

– Я чего-то не пойму! – удивился Миклашевский.

– Поймешь... Все поймешь, дорогой!..

Миклашевский вспомнил слова механика: «Зенитки наши лупили, это видел. Разрывы белыми облачками вспыхивали... Только все недолет да мимо...» Тогда он не придумал особого значения сказанному, думал, это зенитчики просто волновались – не так-то легко сразу бить по настоящим целям. А выходит, тут совсем иная причина. Посолиднее да повесомее, нежели простое совпадение.

Харченко показал листы тетради, исписанные формулами и выкладками.

– Все можно упростить, оказывается. Вот скорость самолетов, мы их знаем... Угол пикирования видишь?.. А дальше подключаем прибор управления артогнем. Команды синхронно передаются на орудие. Вникаешь? – Харченко говорил так, словно идея нового способа стрельбы принадлежала именно ему.

– Здорово ты придумал!

– Не я придумал, – сказал Харченко. – Капитан Антоненков. Он предложил его и вместе со штабными командирами разработал новый способ. Я только по их заданию одну сетку считаю. Каждому командиру поручение дали, время же не терпит. Одни маскировкой позиции занимаются, другие расчеты выводят.

Миклашевский вынул из нагрудного кармана карандаш, снял наконечник. Он хотел было сказать, что возьмется, для полной уверенности, пересчитать части сетки, сделанной Харченко, но слова так и застыли на кончике языка. Пронзительно взвыла сирена – воздушная тревога!

Игорь раздраженно посмотрел на лейтенанта, который задержал его, не дал возможности встретиться с подчиненными. Как же ему сейчас принимать на себя командование боем, когда, по сути дела, не знает обстановки? Харченко сунул в карман тетрадь. Миклашевский вскочил:

– Я к своим!

3

Издали Миклашевский увидел, как бойцы разворачивали зенитный пулемет, открывали коробки с лентами. Командовал расчетом Миша Бум. Его зычный уверенный басок рокотал властно и спокойно. Он стоял, широко расставив ноги, одетый по форме, с противогазом на боку, грудь колесом, сдвинув пилотку набекрень, отчего выгоревший на солнце рыжеватый чубчик лихо топорщился над округлым лбом. Увидев Миклашевского, Михаил недоуменно на него смотрел секунду-другую, не понимая, откуда тот мог появиться в минуты воздушной тревоги, а потом в его глазах сверкнула радость, и он лихо приложил ладонь к виску.

– Товарищ лейтенант, расчет зенитно-артиллерийской прожекторной точки по боевой тревоге готовится отражать воздушное нападение... Посты ВНОС донесли: на объект идут восемь самолетов противника.

На какое-то мгновение бойцы расчета замерли на своих местах, по их лицам пробежала радость, мелькнули улыбки. Миклашевский, их командир, знаменитый боксер, снова вместе с ними! Шофер Василий Жестовский высунулся из кабины и показал большой палец, как бы говоря, что дела у них идут на большой.

– Здравствуй, Миша! – Игорь протянул руку.

– Здравствуй, товарищ командир!

Они обнялись. Обнялись быстро, порывисто.

– Посты ВНОСа делают уточнение, – крикнул Федор Головлев, сидевший у телефона. – Приближаются восемь бомбардировщиков и четыре истребителя.

Послышался гул моторов. Игорь вслушивался в незнакомый прерывистый и тяжелый рев фашистских самолетов, который стремительно нарастал.

– Летят! – крикнул Александр Бальмут и приник к тупоносому счетверенному пулемету.

В стороне аэродрома яростно застучали две скорострельные малокалиберные пушки, послышался треск пулеметов, гулко захлопала другая пушка, и по ее отрывистому лающему звуку Миклашевский узнал новое полуавтоматическое орудие, поступившее в дивизион прошлой осенью. «Сильная штучка!» – говорили тогда про новую пушку бывалые артиллеристы. «Неужели и она бьет мимо?» – почему-то с грустной обидой подумал Игорь, вспомнив рассказ авиационного механика и разговор со взводным, и ему как-то стало не по себе.

Фашисты вылетели из-за леса на бреющем. Тускло сверкнули на солнце края алюминиевых плоскостей, и за прозрачным колпаком одной гудящей моторами птицы Миклашевский на какой-то миг увидел немца, увидел в профиль, и в сознании Игоря отпечатались яйцевидная, обтянутая черным шлемом голова, выдвинутый вперед округлый подбородок и прямой, чуть приплюснутый хищный нос. Миклашевский яростно взмахнул рукой:

– Огонь!!!

Голос потонул в реве моторов, грохоте и свисте. Однако бойцы по одному взмаху его руки поняли смысл команды. Миклашевский не слышал, но отчетливо видел, как из четырех пулеметных стволов брызнули в небо голубоватые струи.

– Огонь!!!

Около машины взметнулся фонтан из огня и земли, что-то горячее пролетело рядом с ухом Миклашевского, обдав жаром щеку. С треском рухнула надломленная тонкая сосна.

Тяжелая ревущая птица с намалеванными крестами на плоскостях с воем пикировала на позицию.

Александр Бальмут, без пилотки, слившись с пулеметом, ловил в круг прицела пикирующий самолет и нервно посылал навстречу длинные очереди. На шее Александра вздулись веревками жилы, лопатки ходили под гимнастеркой, руки подрагивали в такт работе пулемета. Михаил Бум, широко расставив ноги, стрелял из винтовки, рядом с ним, сидя на земле у телефона, палил в небо Федор Головлев, палил беспрестанно, автоматически перезаряжая оружие, вставляя в магазин винтовки одну обойму за другой. Лицо его обострилось, в глазах появился азарт, смешанный со злостью и отчаянием.

Миклашевский стоял все на том же месте, не двигаясь, сжимая кулаки. Сердцем воина он понимал, что бой в какой-то степени они проигрывают. Проигрывают по сугубо техническим причинам. Если б только сейчас был не день, а ночь, тогда другое дело. Миклашевский представил себе слепящий луч в темноте и пойманный самолет. Проектористы показали бы себя! Все эти мысли пронеслись в голове и еще больше обострили горечь непоправимой обиды. И вдруг в этом грохоте разрывов, сквозь рев пикирующих самолетов, сквозь трескучие пулеметные очереди донесся радостный выкрик Василия Жестовского:

– Сбили! Сбили одного!

В огромном июньском небе носились маленькие, вроде бы игрушечные, самолеты. Вспыхивали на солнце алюминиевые тонкие плоскости, зеркалами отсвечивали плексигласовые колпаки, длинные белесые нити трассирующих пуль чертили линии на синем фоне. Миклашевский увидел, как из фашистской стаи отделился один двухмоторный самолет, оставляя за собой черный дымный хвост. Он понесся к земле, все убыстряя полет, и вдруг на глазах стал разламываться на части.

– Сбили! Сбили фашиста!

Игорь улыбнулся сухими губами, к нему вернулась уверенность. Нашим отечественным оружием можно бить немцев. Бить так, чтобы они разваливались на части!..

– Мы еще посмотрим, кто кого загонит в угол ринга! – погрозил он кулаком в небо.

Воздушный бой переместился в сторону, и лишь два «мессера» остались в небе над зенитной батареей. «Мессеры» по очереди, словно совершая отрететированную карусель, взмывали к солнцу и оттуда падали на позиции зенитчиков, выплескивая огонь из пулеметов. Карусель продолжалась несколько минут. Затихла сначала одна наша зенитка, потом другая. Отчаянно была по пикирующим самолетам только полуавтоматическая пушка.

«Мессеры» проносились в каких-нибудь полсотне метров над землей, обливая аэродром огнем пулеметов.

«Гады, нас засекли! – подумал Миклашевский. – Сверху им хорошо видно... Что же делать? – и тут мелькнула мысль: – Надо подсказать Бальмуту, чтобы всаживал очереди на полете». Но он ничего не успел сказать. Веер голубоватых трасс, которые сыпались с «мессера», прошелся над позицией, перечеркивая ее поперек. Бальмут, не отпуская рукоятку пулемета, странно обмяк, ноги его подкосились, и он стал оседать. На выгоревшей гимнастерке возле правого плеча стало расплываться темное пятно.

– Саша! Друг!

Опережая Миклашевского, к пулеметчику бросился Миша Бум. Он подхватил Александра и на руках отнес к мохнатой ели, как будто ее зеленые ветки могли служить надежной защитой. Вынул индивидуальный пакет.

– Саш! Живой?.. Это я, Миша!

Миклашевский схватил теплые рукоятки пулемета, положив палец на гашетку, круто развернул стволы в сторону несущегося «мессера». Все внутри Игоря клокотало.

– Спокойнее, только спокойнее! Вот еще чуть-чуть!..

«Мессер» с воем и грохотом, казалось, мчался прямо на него, выплевывая красноватые вспышки огня. Миклашевский поймал самолет в круг прицела, нажал на гашетку и всем телом ощутил ритмичную дрожь пулемета. Из разгоряченных стволов вырвались четыре тонкие белые струи. «Мессер» неожиданно резко вильнул в сторону, но Миклашевский, не выпуская его из прицельного круга, снова нажал гашетку, ударил длинной очередью.

– Попал! Попал! – радостно закричал кто-то рядом. – Попал!

Игоря охватило знакомое чувство превосходства над противником, когда удавалось в трудном поединке на ринге перехитрить, обмануть и мгновенно провести один из главных ударов. Игорь видел, как прошил тяжелое тело «мессера». Он просто не мог не попасть!

– Ага, что? Не нравится? Невкусно!..

«Мессер» как-то странно пошел боком, потом, набирая высоту, стал уходить. Второй помчался за ним. Миклашевский послал вслед длинную очередь, но она не достала беглеца.

Игорь, не отпуская нагретой рукоятки пулемета, быстро осмотрелся вокруг, ища новые цели. Но их не было. Небо над головой было тихим и чистым, и даже не верилось, что несколько минут назад здесь шел бой. Лишь от разогретых стволов пулеметов исходило тепло, как от плиты, да пахло порохом.

Миклашевский перевел взгляд на землю. Под мохнатой елью, поджав длинные ноги, опираясь плечом о ствол, сидел без гимнастерки Бальмут. Грудь его была забинтована, но сквозь марлю с правой стороны проступало малиновое пятно. Около Саши находились возбужденный Василий Жестовский и сосредоточенный Миша Бум. Они вдвоем сооружали самодельные носилки. Федор Головлев, чему-то нервно и жестко улыбаясь, склонился над телефоном. Поляна вокруг автомашины была изрыта небольшими рваными воронками, и вывернутый дерн обнажал торфяную черноту. Переломленная сосна лежала зеленым костром, задрав вверх пушистую вершину. Остро пахло толлом, похожим на сладковатый запах жареного чеснока, растолченной хвоей, сосновой древесиной и землей.

Миклашевский спрыгнул с кузова машины. Нервное напряжение не проходило. Во рту была противная сухость.

– Что с ним?

– Насквозь под ключицу... Хорошо еще, что не разрывная пуля, – ответил Жестовский, глаза его блестели, он старался говорить со знанием дела. – Мы его мигом доставим в санчасть.

Александр открыл глаза, посмотрел на командира:

– Не повезло мне... Война только начинается, а я... а я уже вылетел из строя... Не повезло!..

– Несите скорее, – поторопил подчиненных Миклашевский.

Бальмута уложили на самодельные носилки из жердей и шинели. Когда его понесли в санчасть, Игорь почему-то подумал, что им всем, в сущности, повезло, расчет легко отделался – всего один раненый. Могло быть и хуже. И еще подумал о подбитом «мессере». Жалко, что до конца не добил фашиста.

– Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант! – донесся резкий голос Головлева. – К телефону! Командир батареи вызывает!

Глава четвертая

1

Николай Гаврилович Телеверов, опершись о подоконник, несколько минут смотрел на родной город. Ночь стояла тихая, светлая, такая светлая, что можно свободно читать газету. Красивая пора – время белых ночей! Только сейчас они не радовали, эти светлые ночи. Они приносили тревогу: город виден издалека, открыт как на ладони, не надо ни осветительных ракет, ни наводящих сигналов. Прорвись к Ленинграду воздушный пират, он бы без особого труда опознал важные объекты и наверняка смог бы точно сбросить смертоносный груз.

На улицах и площадях пустынно, тихо. Еще неделю назад, в последнюю мирную субботу, отсюда, из окна своего кабинета, Телеверов видел гуляющих ленинградцев, слышал песни и смех, а какой-то подвыпивший парень, примостившись где-то за углом, долго и назойливо пиликал на гармонии мотив старой матросской песни «Раскинулось море широко». Телеверов вспомнил, что тогда этот мотив и однообразное тягучее пиликанье раздражало его и он хотел послать дежурного, чтобы тот предложил незадачливому гармонисту уйти в другое место. Сейчас же настоженная тишина города, выключенные фонари, безлюдные улицы рождали грусть. Телеверов с каким-то теплым чувством вспомнил того подвыпившего парня, и ему очень захотелось, чтобы когда-нибудь потом, после войны, гармонист снова появился бы здесь и так же, как в ту последнюю мирную субботу, выводил на своей гармонии бесконечную матросскую песню...

Напротив, через улицу, в темных окнах дома непривычно белели жирные кресты. Белые бумажные линии крест-накрест приклеены к стеклу. Они и в окнах соседнего дома, и дальше, и на других улицах, и рядом, на стеклах окна его кабинета. Эти белые кресты как бы перечеркивали прошлую жизнь. Гулко и мерно постукивая подковками каблучков по асфальту, прошел военный патруль. Тускло поблескивали грани штыков. Телеверов смотрел в окно и думал о войне.

На рассвете 22 июня в полосе Северо-Западного фронта (по решению Советского правительства в тот же день Прибалтийский особый военный округ стал именоваться Северо-Западным фронтом) фашисты бросили в бой двадцать пять укомплектованных и хорошо снаряженных дивизий группы армии «Норд», в том числе шесть танковых. Кто бы мог предполагать, что военные события станут развиваться настолько трагически и так стремительно! В первые дни казалось, что превосходство немцев временное, пока мы не подтянули главные силы, пока гитлеровцев сдерживают лишь пограничные войска и передовые заслоны, которые, естественно, не могут остановить такую лавину...

Но вот прошла первая неделя войны. Подполковник Телеверов знал более подробно обстановку на фронтах. На второй день войны немцы ворвались в Каунас, на третий – в Вильнюс, после тяжелых боев пришлось оставить Лиепая... Утром в четверг гитлеровцы овладели Даугавпилсом, но во второй половине дня их выбили из города, однако к ночи немцы снова овладели Даугавпилсом. К этому времени прояснилось и четко определилось направление главных ударов гитлеровских армий группы «Норд», вторгшихся в Прибалтику: головные танковые соединения нацелились на Ригу и на Псков... А от Пскова прямая дорога на Ленинград!

Телеверов, проветрив кабинет, закрыл окно, опустил плотные черные шторы. Постояв немного в темноте, собираясь с мыслями, подполковник включил свет и направился к письменному столу.

Зазвонил приглушенно междугородный телефон. Николай Гаврилович снял трубку.

– Товарищ подполковник, разрешите доложить, – Телеверов по голосу узнал начальника Лужского оперативного отдела Степняка. – Задержали немецкого агента. По-русски говорит без акцента, выдает себя за красноармейца Сергея Романова из роты связи, утверждает, что он отстал и догоняет свою третью стрелковую дивизию.

И Степняк подробно описал, что у агента в вещевом мешке обнаружены портативная рация, шифр, топографические карты юга Ленинградской области, пистолет и восемь тысяч рублей. «Красноармеец» на допросе упрямо твердил, что вещевой мешок не его. «Один лейтенант на станции попросил покараулить, пока он сходит к начальству, да так и не вернулся... А тут бомбят. Вот я и таскаю вещмешок, а что в нем лежит, не знаю, потому что не привык лазить по чужим вещам»...

– Мы навели справки и выяснили, что в округе такой стрелковой дивизии нет, следовательно, она не могла направляться к фронту. Припертый фактами, агент вынужден дать другие показания, – продолжал Степняк. – Направляю вам протоколы допросов, портативную рацию, оружие, фальшивые документы и деньги.

– Хорошо, – ответил Телеверов и, подумав, спросил: – А откуда он?

– Школа Гроссмишель, так сказать, свежеиспеченный выпускник.

– Добро.

Телеверов потер ладонями виски. Опять разведывательная школа Гроссмишель... Эта школа, расположенная под Кенигсбергом, стала известна ленинградским чекистам еще в прошлом году. По всему видать, что там идет деятельная подготовка агентуры...

Николай Гаврилович смотрел на карту, на темный кружок и думал. На второй день войны пришла депеша из Москвы, в которой предупреждали чекистов Ленинграда о том, что гитлеровская разведывательная служба начала массовую заброску агентов в прифронтовые тылы наших войск. Шла и открытая война – между армиями на поле боя, и борьба тайная – поединки разведок и контрразведок.

Телеверов задумчиво хмурил брови. А тут еще и сообщения с фронта были далеко не утешительными – остановить волну железа и огня пока не удастся... Красный шнур, которым на карте отмечалась линия фронта, снова передвинут на восток. Враг лез, враг напирал. Обстановка осложнялась с каждым днем. В пятницу 27 июня бюро горкома партии приняло решение создавать народное ополчение. На следующий же день в райкомы партии и райвоенкоматы начали поступать тысячи заявлений. Заявления были не только индивидуальные, но и коллективные, от целых предприятий, цехов, смен. В дивизии народного ополчения шли целые партийные и комсомольские организации.

Война приближалась к границам области. Нужно было срочно создавать оборонительный пояс на подступах к городу Ленина. Военный совет фронта утвердил принципиальную схему инженерных сооружений по реке Луге. На заседании горкома партии Жданов, оценивая обстановку, определил конкретные задачи партийных и советских органов в создании оборонительного пояса на ближних подступах к Ленинграду.

– Три четверти наших усилий должны быть обращены именно на это, – нервно подчеркнул Андрей Александрович, показывая красным карандашом на карте линию от Кингисеппа на Лугу и далее к озеру Ильмень. – Сделаем неприступной лужскую позицию!

Многие работники горкома и обкома партии, горсовета пошли на строительные участки как уполномоченные Советской власти.

Телеверов знал, что саперных частей для создания Лужского рубежа имелось крайне мало. Военный совет разрешил направить туда курсантов военно-инженерного училища. Но этих сил было явно недостаточно. Основную массу земляных и строительных работ должны выполнить горожане. Десятки тысяч ленинградцев – рабочие, студенты, домохозяйки, служащие – двинулись по первому призыву. Каждый день все новые и новые коллективы и трудовые отряды из различных предприятий, организаций города и районов области приступали к

работе на оборонительных рубежах. Люди шли пешком с лопатами на плечах, ехали на машинах и пригородных поездах. Военный совет фронта также решил приостановить строительство Верхне-Свирской ГЭС и гидроэлектростанции Энсо, линии электропередачи Энсо – Ленинград и создание долгожданного Ленинградского метрополитена. Весь инженерно-технический персонал, рабочие бригады и вся техника – машины, экскаваторы – и строительный материал передавались войскам для создания оборонительного укрепленного района.

В тот же день утром Телеверову позвонила племянница Лариса, студентка первого курса Ленинградского университета, она жила у Телеверовых с прошлого года, приехав на учебу из Новгорода.

– Дядя Коля, до свидания! Мы всем курсом уезжаем на работы.

– Куда? – поинтересовался Николай Гаврилович.

– Вы сами знаете куда.

– Постой, Лариса. Один вопрос. – Телеверов старался говорить спокойно. – А что ты взяла с собой на дорогу?

– Дядя Коля, а что, собственно, нам надо? Ну, взяла мыло, полотенце...

– И все?

– Денег еще чуть-чуть.

– Скажи, а плащ ты не забыла? Котелок, ложку уложила в рюкзак? И еще не забудь теплое белье и обязательно продукты.

– Может быть, пару буханок хлеба посоветуете, дядя Коля? – в голосе племянницы прозвучали насмешливые нотки.

Телеверов улыбнулся. И страшно было за нее, и завидно. Не так ли уверенно уходили они на защиту Петрограда в далеком восемнадцатом?

Николай Гаврилович опустил трубку и подошел к карте. Дела плохи не только здесь, в Прибалтике, но и там, на Центральном направлении, на главном Западном фронте. В субботу немецкие танки ворвались в Минск... Не слишком ли много – потерять за одну неделю вторую столицу?..

Телеверов закрыл карту, вынул из кармана портсигар, открыл, но там вместо папирос лежали разноцветные леденцы.

Николай Гаврилович смотрел на конфеты и думал о том, что пока остановить-то немцев не удастся. Хотелось закурить, а не сосать надоевшие леденцы. Он закрыл портсигар и сунул в карман брюк. Подошел к письменному столу, на котором лежали бумаги. Одна из Центра, постановление ЦК партии и правительства о создании Государственного Комитета Оборона во главе со Сталиным. Бросились в глаза строчки, которые он хорошо знал: «ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях более быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу». В руках Государственного Комитета Оборона сосредоточивается вся полнота власти в стране. Рядом лежала другая бумага, в которой скупыми цифрами говорилось о начале эвакуации детей и нетрудоспособных граждан из города, об эвакуации ценностей из Эрмитажа, Русского музея... Рядом в синей папке с надписью «Для доклада» уже лежали рапорта от сотрудников управления с просьбой послать их на «передний край борьбы». Телеверов, глядя на документы, думал о том, что надо будет завтра же связаться с парткомом юридического факультета университета и из числа выпускников и старшекурсников отобрать тех, кто по своим данным и уровню знаний сможет работать в органах. «Запишутся горячие головы в ополчение, так потом их оттуда тяжело будет вытягивать, – думал подполковник, – а кадры нам пригодятся, силы надо копить. Ведь все только начинается!»

Приглушенный звонок телефона вывел его из задумчивости. Николай Гаврилович снял трубку и произнес:

– Слушаю.

И сразу изменил тон, узнав голос жены, ласково сказал:

– Ничего не случилось, просто задержался... Дел много! Не волнуйся, сейчас выезжаю домой... Что? Что ты сказала?.. Петька?.. Не может быть.

– Да, Коленька, да... Его с самого утра нет, – доносился взволнованный голос жены. – Вечером стала беспокоиться... Ждала, что вот-вот явится... Ты же знаешь, где он последние дни... все у пулеметчиков, что на сквере, у зенитчиков... Он целый день не появлялся, обедать не приходил. И вот сейчас на твоём столе нашли записку. Слушай, прочитаю...

Телеверов сосредоточенно смотрел на бумаги, на стол, слушал жену. Сыну Петьке пошел пятнадцатый год, уже большой парень. Последнее время мальчишка стал проявлять самостоятельность, и жена все время жаловалась на него, что тот отбивается от рук.

– Повтори еще раз, – попросил Телеверов.

– Так вот, он пишет, что на фронт ушел. Просит, чтоб не искали... Не могу сидеть дома, пишет, когда Родина в опасности. Ишь, вояка нашелся, и без него драпают, – голос жены дрогнул, она умоляюще стала просить и требовать: – Коленька, немедленно... сейчас же подними всех! Ты же знаешь, какие бомбежки на железной дороге... Дай команду, чтобы сняли сопляка. Если что с ним случится, я не переживу!..

Николай Гаврилович старался успокоить жену, обещал сейчас же позвонить в управление железнодорожной милиции, разыскать беглеца. Волнение супруги передалось и ему. Что ни говори, а сын есть сын. И терять его так, за здорово живешь, не хотелось, особенно сейчас, когда такое творится... У Телеверова вспыхнуло неодолимое желание выпороть «вояку», да так, чтобы надолго запомнил.

В кабинет без стука вошел дежурный.

– Товарищ подполковник, срочное сообщение. Только что передали.

– Читай!

– «В районе восточнее Пскова немцы высадили диверсантов. Одеты в милицейскую форму. Послана оперативная группа».

2

Григорий Кульга стоял в тени под навесом и оглядывал заводской двор, обнесенный высоким красным кирпичным забором, поверх которого в четыре ряда протянута колючая проволока. Только что прошел короткий дождь, все вокруг светилось в лучах солнца, выглянувшего из-за тучки. Было тепло, пахло железом, водой, дымом, камнем и горьковатым запахом солянки. Справа, из распахнутых огромных дверей цеха, похожих на ворота, медленно выползали новенькие танки Т-34.

Рядом с Григорием, спрятавшись от дождя под навес, находились механики-водители, приехавшие принимать танки. Они, как и старшина, с восхищением смотрели на новые боевые машины.

– Красавцы! – ласково повторял Тимофеев, и его обветренное круглое лицо, на котором темнели слегка раскосые глаза, светились радостью. – Красавцы!

Ефрейтор Клим Тимофеев, как и большинство механиков – водителей, прибывших вместе с Кульгой на завод, был из числа запасников, призванных по мобилизации в первый же день войны. Танк Т-34 он видел лишь издалека, но уже был наслышан о боевых качествах новой машины.

– Поболе нам бы таких! – любясь танком, басил Клим. – Хо-о-роша машина! Хороша!

Григорий Кульга тоже радовался. Наконец-то судьба и ему улыбнулась! Неделю назад, когда он утром двадцать четвертого июня прибыл в свой полк, сердце его сжалось от обиды: в военном городке Кульгу встретила необычная пустота. Неужели опоздал? Григорий кинулся в свою казарму. Она была закрыта на замок. Заглянул в окно и поразился непривычной обстановке: незаправленные койки, взбитые подушки, скомканные одеяла, кое-где валялись на полу

книги, портянки... По всему видно, что танкисты были подняты по тревоге. Григорий стоял ошеломленный. Не хотелось верить, что опоздал. В соседней казарме двое красноармейцев убирали просторное помещение, заправляли койки свежим постельным бельем.

– Эй, друг! – позвал Кульга ближайшего худощавого бойца, складывавшего в большой мешок снятые с коек простыни.

– Чего тебе? – лениво отозвался тот и, повернувшись, увидел перед собой Кульгу, стрельнул глазами по треугольникам на петлицах, сразу изменился, вытянулся в струнку и бодро отчеканил: – Слушаю, товарищ старшина!

– Где наши?

– А какие ваши, товарищ старшина? – в свою очередь спросил худощавый, рассматривая незнакомого рослого старшину.

Подошел второй красноармеец, высокий, конопатый, он издали узнал Кульгу и дружески улыбался:

– Привет чемпиону! С возвращением в родной гарнизон, товарищ старшина!

– Опоздал я, – вздохнул Кульга. – Спешил, спешил и вот на тебе, к шапочному разбору поспел.

– Сегодня утречком на рассвете, в пятом часу подняли, – сочувственно пояснил худощавый. – Погрузили технику на платформы и тронулись. Счастливики, они, наверное, завтра-послезавтра в боевые действия вступят, а мы загораем тут.

– Я в штаб, – сказал Кульга и направился к выходу.

У него моментально созрел план: отметить командировочные документы – и на вокзал, догонять эшелон, догонять свою роту. За несколько часов они далеко не могли уехать!

Но в штабе рассудили по-иному. Его встретил старший лейтенант Черкасов. Высокий, быстрый в движениях, волевой капитан волейбольной команды танкистов, с вечной улыбкой на больших выпуклых губах. От прежней веселости не осталось и следа. Старший лейтенант с красными от усталости глазами принял от Кульги документы и запер их в ящик стола, сказал раздраженно:

– И здесь работы по горло, старшина. Даже если бы и вовремя успел, все равно остаться пришлось бы, потому что твоя машина уже за другими закреплена.

По всему было видно, что старший лейтенант также переживал печальный факт своей биографии, ибо оставаться в тылу, когда товарищи едут на фронт, не очень-то приятно. По красным глазам и раздраженному тону Кульга догадался, что старшой имел неприятный разговор с начальством, которое, по-видимому, и остудило пылкий напор молодого командира. Теперь же Черкасов пытается урезонить старшину.

– Не ты один в таком положении оказался, понимаешь? Машин на всех не хватает. Ясно?

В словах старшего лейтенанта звучала горькая правда. Григорий хмурил брови. Действительно, что бы он делал, если бы ему разрешили догнать эшелон? Свое место в боевой машине Кульге, конечно же, никто бы не уступил. Как он об этом раньше не подумал! Григорий стиснул в руках ручку своего чемодана, словно она была виновата в его незавидном положении.

– Что же мне теперь делать? – спросил Кульга, растерянный и подавленный.

– Работы по горло, старшина, – повторил Черкасов, – только успевай поворачиваться. В третьей казарме меняют постельное белье два красноармейца, бери их в свое подчинение. И еще троих первогодков пришлю. Надо быстро привести в порядок жилые помещения батальона. Навести чистоту, сменить простыни и наволочки. Понятна задача?

– Так точно, товарищ старший лейтенант, – без особого энтузиазма, но громко и четко ответил Кульга. – Разрешите идти?

– Идите.

Так началась жизнь в тылу, в опустевшем городке под Стругами Красными. Григорий Кульга не находил себе места. Подчиненные ему бойцы-танкисты тоже переживали не меньше.

Их всех преследовал один и тот же навязчивый вопрос, ответить на который никто не мог: сколько же времени их будут держать здесь? Пошлют ли их когда-нибудь на фронт?

Но опасения эти, к счастью, оказались напрасными, они скоро развеялись. В конце недели прибыла первая группа танкистов из запаса, призванных по мобилизации, за ними последовали другие. Начали формироваться взводы, роты. Выявляли специалистов – механиков-водителей, радистов, башенных стрелков... Пошли напряженные часы учебы в классах и на полигоне, ибо многие давно служили в армии и, откровенно говоря, с новыми машинами обращаться как следует не умели. Дни были загружены от зари до зари, но люди, казалось, не чувствовали усталости, жадно учились, схватывая все на лету. Потом последовал приказ – собираться в дорогу.

В вагоне поняли, что едут не на запад, там где фронт, а в обратную сторону. Поезд вез в Ленинград, в тыл. Кульга, а вместе с ним и другие танкисты его роты знали, что едут на завод получать новые боевые машины.

3

«Тридцатьчетверки» стояли в ряд, как на параде. Новенькие, грозные, пахнущие сталью, оружейным маслом, краской, соляжкой. Правда, их было мало. Очень мало. Капли дождя застыли на темной броне, и солнце отражалось в них, как в маленьких зеркальцах. Танкисты с любовью смотрели на боевые машины и терпеливо дожидались той счастливой минуты, когда старший лейтенант Черкасов окончит все формальности по приему, подпишет документы и наконец определит каждому механику-водителю его танк.

Двое молодых рабочих топтались у дверей цеха и, вытирая промасленные ладони ветошью, наблюдали за танкистами. Выбрав удобный момент, они подошли к Черкасову.

– Старшой, возьми нас! Мы и за механика-водителя можем, и за башенного стрелка, а в случае чего и отремонтировать сумеем.

Старший лейтенант протянул им открытый портсигар.

– Закуривай, ребята! Такие молодцы нам в батальонегодились бы наверняка. Только вот загвоздка маленькая, как вас приписать к машинам?

Но тут вмешался в разговор пожилой мастер, который передавал танки Черкасову. Он сердито сверкнул глазами из-под очков на парней и сердито произнес:

– Опять пристаёте, черти окаянные! – и добавил приказным тоном: – Если еще раз тут вас повстречаю, пеняйте на себя. Доложу куда следует.

Парни, переглянувшись, молча двинулись в цех. Они, видимо, хорошо знали крутой нрав старого мастера.

Кульге досталась «тридцатьчетверка» под номером 813. Цифры были выведены белой краской на башне. Григорий похлопал широкой ладонью по лобовой броне, как бы определяя ее прочность, обошел танк кругом.

– Хороша? – спросил Черкасов.

– Что надо! Разрешите опробовать?

– Действуй.

Григорий поднял люк, влез на свое место, уселся на тугое кожаное сиденье, по-хозяйски огляделся. В этот момент, кажется, в целом свете никого не было счастливее старшины. Наконец-то кончились его душевные муки! Григорий запустил двигатель. Мотор заработал ровно и уверенно, и в его приглушенном баске старшине слышались сила и выносливость железного скакуна. Танк стал живым, он чуть заметно дрожал в такт оборотам мотора, готовый сорваться с места. Григорий осторожно включил скорость. Машина двинулась вперед по брусчатке заводского двора, потом рванулась к забору, словно сорвавшийся с привязи молодой жеребец, но у самой кирпичной стены круто развернулась и легко покатила к воротам.

Остановив машину, Кульга выключил мотор и нехотя выбрался из танка.

– Ну как? – спросил его Черкасов.

– Порядок! – Григорий поднял большой палец вверх. – На такой машине можно с фрицами потягаться!

Черкасов хорошо знал Григория, который слыл в полку великолепным механиком-водителем и был к тому же еще чемпионом военного округа по боксу в тяжелом весе. Старший лейтенант добился, чтобы Кульгу включили в его танковую роту. И вот сейчас на маленьком пяточке внутреннего заводского двора Григорий наглядно показал свое мастерство классного водителя. Но обстановка требовала, чтобы командир был строгим и требовательным, и он властно распорядился:

– Ваша первая боевая задача, товарищ старшина, возглавить колонну и привести аккуратненько все танки к месту погрузки.

Пожилой мастер, не очень одобрительно встретивший лихость старшины, поддержал Черкасова.

– Правильный разговор. Такие машины беречь надо!

Под вечер эшелон двинулся в сторону фронта, к месту формирования танковой бригады.

Глава пятая

1

Поправив на голове пилотку, Игорь Миклашевский поднялся на крыльцо и вошел в штаб части. В длинном коридоре тускло светили две лампочки. После солнечного дня здесь было полутемно, прохладно и сыро. В глубине коридора у зачехленного знамени стоял часовой. Увидев Миклашевского, он чуть заметно улыбнулся. Игоря знали все в подразделении.

– Батя у себя? – тихо спросил Миклашевский, хорошо зная, что с постовым разговаривать нельзя. Тот утвердительно кивнул.

– У него кто-то есть?

Часовой снова кивнул.

– Подождем, – решил Миклашевский, останавливаясь перед дверью с табличкой: «Подполковник В.И. Чухнов».

Игорь, конечно, знал, почему его вызвал Чухнов. Предстоит довольно нудный и неприятный разговор. Два дня назад боксер подал на имя командира третий рапорт с просьбой направить его в школу разведчиков. В двух предыдущих рапортах лейтенант просто просился на передовую и, конечно, получал отказ, да еще и выслушивал нотацию. Тогда Игорь, поразмыслив, написал длинную объяснительную, доказывая свое право стать разведчиком: спортсмен, свободно владеет немецким языком (тут Миклашевский немного преувеличил, ибо знал язык весьма посредственно, хотя выговор у него, как утверждала учительница, «чисто прусский», умел работать со словарем, читать и переводить), хорошо знает личное оружие, стреляет метко, два раза прыгал с парашютной вышки, может вести огонь из зенитного пулемета, знает материальную часть, умеет ездить на велосипеде, мотоцикле, и имеет права шофера-любителя, а кроме того, овладел знаниями наводчика, то есть первого номера зенитной пушки. Он только не написал о своей основной военной специальности прожекториста, считая, что командир знает, кем служит лейтенант Миклашевский.

Игорю казалось, что такая объяснительная должна убедить подполковника Чухнова. Но сегодня после обеда лейтенант Харченко придержал Миклашевского возле столовой, отвел в сторону и сообщил, что имел неприятный разговор с Батей.

– Все из-за твоего дурацкого рапорта, – лицо лейтенанта стало сухим и неприятным. – Теперь приглашает на беседу тебя. Если вlepит два наряда вне очереди, считай, отделался легким испугом. Батя зол как черт!..

– Из-за меня?..

– Ты один что ли! У него на столе гора таких бумажек.

Дверь кабинета открылась, и из нее быстро вышел младший сержант, который служил на соседней прожекторной точке. Он был красный и потный, словно выскочил из парной. Миклашевский сочувственно спросил:

– Ну что?

– Три наряда!..

Игорь немного помедлил, потом одернул гимнастерку и шагнул в кабинет:

– Лейтенант Миклашевский прибыл по вашему приказанию!

Чухнов, не поднимая головы, кивнул на приветствие и рукой указал на стул, стоявший рядом с письменным столом:

– Садись, герой.

Игорь присел на краешек стула, положив кулаки на колени. Чухнов продолжал писать. Миклашевский несколько минут молча наблюдал за командиром. За последние дни Игорь

впервые так близко находился возле Чухнова. Коротко острижены темные волосы, большие залысины обнажали выпуклый лоб. Загорелое, обветренное скуластое лицо осунулось, под глазами темные круги – следы бессонных ночей, резкие морщины пролегали на лбу. «Нелегко ему, что и говорить, – с сочувствием подумал Миклашевский. – Запарка сплошная». Игорь окинул взглядом стол, стал рассматривать плотные папки, которые лежали на дальнем конце стола. Две были синие, а одна красная. И каждая наполнена бумагами. «Которая же с рапортами? – задал он сам себе вопрос и тут же решил: – Наверное, вон та, красная. Она пухлее других, и бумаги в ней разные».

– Ну как, поостыл? – спросил дружеским тоном Чухнов, продолжая писать.

– Что... товарищ командир? – переспросил Миклашевский.

– Поостыл, спрашиваю?

– А я и не был распаленным, – ответил Миклашевский, не соображая сразу, куда клонит начальник.

– Тем лучше. Ступай, Миклашевский, мне некогда с тобой антимонии разводить, да и ты сам дисциплинированный и сознательный боец. Все, что ты тут изложил, – Чухнов раскрыл именно красную папку, – давно известно нашим кадровикам. В личном деле записи соответствующие имеются. Ясно? А насчет школы разведчиков пока сплошной туман. Это не кружок самодеятельности. Будет прояснение, тебе сообщат. Понятно?

– Понятно, товарищ командир!

– Вопросы имеются?

– Никак нет! Разрешите идти?

– Идите.

Выйдя из штаба, Миклашевский пошел на прожекторную точку через лес. Ему хотелось побыть одному, осмыслить каждое слово командира. Он чувствовал себя студентом-первокурсником, сдавшим трудный экзамен. Еще бы не радоваться! Шел получать нагоняй и слушать нотацию, а вышло совсем по-другому...

Тропинка вывела на опушку и запетляла в кустах черемухи, орешника, среди молодых елей, берез, густых осин и разлапистых сосенок. Высокая некошенная трава пестрела цветами. На аэродроме, ближе к лесу, стояли истребители, замаскированные сосновыми и еловыми ветками. Вдали, за взлетной полосой, среди молодых деревьев Миклашевский заметил стволы трех зенитных пушек, нацеленных в небо. Он миновал густой орешник и вдруг у колючей проволоки увидел трех милиционеров. Одеты по всей форме, с оружием. Милиционеры как милиционеры. Игорь может быть и не обратил бы на них никакого внимания, прошел бы мимо, но уж больно пристально они разглядывали аэродром. Так ведут себя лишь люди, впервые попавшие в запретный район.

Милиционеры, увлеченные наблюдением, не заметили Миклашевского. Игорю бросилось в глаза, что у старшего по званию – он был большеголовый, чернявый, со следами оспы на круглом лице – в руках небольшой фотоаппарат. В желтом кожаном чехле. Такой же аппарат Игорь видел у Всеволода Александровича, своего дальнего родственника, знаменитого московского артиста. Эта заграничная штучка стоит немалых денег, и Миклашевский невольно проникся уважением к блюстителям порядка. Вот только занимаются они фотографией в неподобающем месте.

– Эй, товарищ, – окликнул Игорь дружески. – Тут снимать нельзя, сам понимаешь, военный объект.

Милиционеры повернулись, удивленные внезапным появлением лейтенанта.

– Прости, друг, не удержался! – извинился черноголовый. – Красивые очень места! Один момент, товарищ. Один момент! Я вас снимаю.

– Пожалуйста. – Игорь пожал плечами, чуть заметно выпячивая грудь.

Вдруг сбоку по траве мелькнула тень. Миклашевский слегка качнулся в сторону, как обычно делал на ринге уклоны от броска соперника. Отработанный годами тренировок прием. Это его и спасло. В следующее мгновение лейтенант получил скользящий тяжелый удар по затылку. В глазах мелькнули разноцветные искры, а в ушах так загудело, словно в голове разорвалась граната. Падая, Игорь ощутил чьи-то цепкие пальцы на своей шее. Нужно было сопротивляться, но он не мог. Руки кто-то грубо закрутил назад, а тело стало вялым и непослушным. Все происходило как в тумане. Странно и непонятно. Он хотел было закричать, чтобы позвать на помощь, но едва успел открыть рот, как туда втолкнули его же пилотку. И Миклашевский услышал немецкую речь:

- Что с ним делать?
- В лес.
- Прикончить можно и здесь.
- Сначала допросим. Несите. Скорее!

2

Миклашевского стиснули, словно железными клещами, подняли и понесли... Вот наклонившаяся сосенка с порезами на коре. Две березки растут почти вплотную одна к другой, перепутались ветками, а рядом ершистые кусты орешника. Игорь узнавал места, машинально запоминал тропинку, хотя понимал, что это уже ему никогда больше не пригодится. И ему стало страшно. Впервые в жизни так страшно.

- Тяжелый большевик, – пробурчал немец, шедший впереди.
- Верно, Ганс, – согласился второй. – Как мешок с песком.

Миклашевский про себя отметил, что одного зовут Гансом. Немного погодя Ганс предложил:

- Отдохнуть надо, Фриц, у меня руки затекли.

Теперь Миклашевский знал, что второго, который держал за ноги, зовут Фрицем. «На кой черт мне их имена!» – горько думал лейтенант. Челюсти его свело, скрученная туго пилотка торчала во рту тяжелым кляпом, и дышать через нос становилось все труднее.

Когда вошли в густой ельник, чернявый приказал:

- Опустить на землю.

Ганс и Фриц тут же исполнили приказ, бросив Миклашевского под разлапистую ель. Игорь больно ударился боком о корявый корень, который толстой змеей стлался по земле.

Лежа неудобно на боку, лейтенант рассматривал немцев. Фриц был немного выше своего командира, широк в плечах. Круглолицый, мордастый, с пухлыми пунцовыми губами и белесыми, слегка навывкате колючими глазами. У Ганса лицо сплюснутое, крупный нос и добрые голубые глаза под светлыми бровями; он узкоплечий, какой-то плоский, короткорукый. Даже не верилось, что это он так ловко ударил Миклашевского по голове и лихо закрутил руки за спину.

Они разговорились между собой, не подозревая, что пленный понимает их речь.

– Зря только время тратим, – сказал Фриц, закуривая сигарету. – Надо скорей освободиться от такой ноши.

– Мы сами больше бы увидели, чем узнаем от него, – гундосил Ганс, открывая фляжку. – Кто хочет прополоскать горло?

Миклашевскому было до чертиков обидно, что фашисты ни во что не ставили его. Немцам, он понял, необходим «язык». Причем осведомленный. Они охотились за крупным командиром, а попался лейтенант.

– Он артиллерист, неужели не видите? – сказал черноголовый. – Он знает систему обороны аэродрома. Голову свернуть всегда успеем.

– Не очень приятно тащить мешок с песком, – загундосил Ганс, завинчивая фляжку. – У меня есть предложение, герр обер-лейтенант.

– Говори.

– Заставьте красную свинью топтать своими ножками.

– Хорошо, согласен.

– Ложись! – вдруг сиплым шепотом выдохнул Фриц и, выхватив пистолет, плюхнулся на траву.

Следом за ним залегли остальные. Притаились. Чуть в стороне шла группа красноармейцев. «Свои!» – у Игоря радостно запрыгало сердце. Но судьба, казалось, смеялась над Миклашевским. Он напряг все силы, пытаясь освободить руки, но веревка лишь сильнее врезалась в тело. Он попытался вытолкнуть изо рта кляп, но из этого тоже ничего не вышло.

Игорь заметался, извиваясь в траве. Потом перевернулся и попытался зацепить кляпом за корень елки, чтобы выбить проклятую пилотку. Но тут получил крепкий подзатыльник, от которого снова в глазах запрыгали разноцветные звезды.

– Не дергайся!

А красноармейцы проходили почти рядом за кустами, в десяти шагах от немцев, от связанного Миклашевского. Они шли беспечно по лесу, видимо, возвращались в подразделение из города, выбирая ближнюю дорогу. Шуршала трава, похрустывали сухие ветки. Один из них весело насвистывал песенку «У самовара я и моя Маша».

Шаги постепенно затихали...

Немцы выждали, пока бойцы удалятся на значительное расстояние. Потом вскочили на ноги.

– А здесь, оказывается, оживленная лесная тропа, – сказал Ганс, ухмыляясь.

– Здесь и следовало бы нам искать добычу, герр обер-лейтенант, – Фриц сунул пистолет в кобуру.

– Мы еще сюда придем на охоту, – сказал чернявый. – А сейчас в чащу подальше. Поднимите пленного.

Фриц и Ганс бесцеремонно схватили Игоря за связанные руки и рывком подняли. У Миклашевского мелькнула мысль: «Бежать!», но он тут же отбросил ее. Далеко ли убежишь со связанными руками, да еще с кляпом во рту?.. Догонят через несколько шагов – и прикончат. Он стоял на тропе и тупо смотрел на немцев.

– Ты, надеюсь, уже понял, кто мы? – высокомерно произнес черноголовый по-русски. – Все это хороший камуфляж, – он показал небрежно пальцем на милицейскую форму. – Мы не «вшивые немцы», как говорите вы, лопухие русские, а представители великой и непобедимой германской нации. Понял?

Миклашевскому ничего другого не оставалось делать, как кивнуть.

– Запомни: при первой же попытке к бегству...

Игорь опять кивнул.

– А теперь марш вперед.

Первым шагал мягкой походкой плосколицый Ганс. Следом за ним двигался обер-лейтенант, потом угрюмо плелся Миклашевский, которого подталкивал в спину Фриц.

– Шнель! Шнель! Быстро!

Игорь передвигал ноги и смотрел на родной лес с ненавистью. Чем глубже заходил в чащу, тем меньше оставалось шансов на спасение. Нужно что-то предпринимать. Немедленно, или будет поздно. Но что?.. Руки связаны, во рту кляп. И тут Игоря вдруг осенила мысль: ноги!.. Ногами не только бегают. Они могут стать и оружием! Он чуть замедлил шаги.

– Шнель! Шнель! – Фриц кулаком поддал в спину.

Лейтенант искоса посмотрел на немца, прикидывая расстояние. Попытка не пытка. Но тут вдруг идущий впереди немец предостерегающе поднял руку, что-то его насторожило. Все

остановились. Несколько минут прислушивались. А у Миклашевского в голове созрел план действий. Терять-то ему уже нечего...

– Ко мне, – приказал по-немецки черноголовый.

Фриц толкнул в спину Миклашевского, потом сам вышел вперед и зашагал рядом, вслушиваясь и всматриваясь. На Миклашевского почти никто не обращал внимания. Приблизились почти вплотную к обер-лейтенанту. Тот жестом руки потребовал тишины и спокойствия. Фриц схватил Игоря за руки и рывком дал понять, чтобы застыл на месте.

«Эх, была не была!» – мелькнуло в голове. Миклашевский, сделав упор на левую ногу, развернулся вполупорот к гитлеровцу. Тот хмуро глянул на боксера и цепче сжал пальцами руку, как бы говоря, чтобы не двигался. Обер-лейтенант стоял в двух шагах впереди спиной к ним. А рядом, подавшись вперед, что-то высматривал из-за куста Ганс. Там, неподалеку, по лесу кто-то шел.

– Женщина, – по-немецки прошептал фриц. – Две женщины...

Игорь поборол свое волнение. «Только спокойнее! Только спокойнее! – приказывал он себе. – Ни одного лишнего движения... Бить наверняка!» Дальнейшие события произошли молниеносно.

Миклашевский правым носком сапога с отчаянной силой ударил беспечно стоявшего рядом Фрица по ногам и толкнул его плечом. Немец глухо охнул и свалился как подкошенный. Падая, он со всего маху стукнулся затылком о ствол сосны.

Игорь шагнул и очутился возле черноголового. Тот едва успел повернуться. Лицо обер-лейтенанта выражало недовольство произведенным шумом. Он, возможно, предполагал, что Фриц просто перестарался и не вовремя саданул пленного. Но, увидев перед собой русского, гитлеровец удивленно вытаращил глаза. Он даже и в мыслях не предполагал, что связанный по рукам человек отважится нападать на вооруженного. И эти мгновения решили исход схватки. Игорь, резко шагнув в сторону, нанес другой ногой удар фашисту ниже живота.

– А-а-а! – вырвалось из глотки обер-лейтенанта.

Схватившись обеими руками за живот, гитлеровец с перекошенным от злости и боли лицом согнулся пополам.

Миклашевский двумя прыжками рванулся вперед и вырос перед Гансом. Ганс понял все. С поворота, не теряя времени, он, как хорошо тренированный боксер, провел прямой справа, целясь в подбородок пленного.

– Красная собака, получай!

Игорь чуть спружинил ноги, сделал привычный нырок под руку противника. Кулак немца пролетел над самой макушкой, задевая волосы. Ганс на какой-то миг потерял равновесие. Миклашевский резко выпрямился. Ноги, словно стальные пружины, придали телу скорость, и лейтенант со всей силы нанес удар головой...

Нелепо взмахнув руками, Ганс плюхнулся на колючий куст.

Резко повернувшись, Игорь бросился к Фрицу, который пытался встать, держа в руке нож. Игорь снова ударил Фрица носком сапога и, не оглядываясь, пустился бежать.

Он выскочил на полянку. Две молодые женщины, увидев связанного бойца, отпрянули от него в страхе. Побросав лукошки с грибами, они с криком бросились в разные стороны. Их звонкие голоса, полные отчаяния и страха, казалось, всполошили весь лес.

Миклашевский надеялся на них. Хотя бы пилотку изо рта вытянули! Но женщины улетывали со всех ног. И остановить, позвать их Игорь не мог.

Не теряя времени, Миклашевский побежал сам. Петлял между деревьями, хотя и предполагал, что гитлеровцы не отважатся стрелять, ибо выстрелы сразу же привлекут внимание. Игорь бежал, не оглядываясь. «Только бы не упасть! Только бы не споткнуться, – думал он. – Тогда они нагонят, и конец!»

Выбежал на тропу... Тропа хорошо знакома. Вот она сделала поворот и повела в низину, где кучно росли кусты орешника и черемухи. Миклашевский сбежал по крутому косогору вниз, с завистью глянул в сторону серого валуна, покрытого с боков зеленым мхом, туда, где начинал свою жизнь маленький ручей, где весело выбивался из-под земли родник, образуя маленькое живое блюдце. Пить хотелось так, что, казалось, все внутренности высохли, как у вяленой рыбы. В горле противно першило. Не останавливаясь, Миклашевский пробежал мимо родника и стал вскарабкиваться вверх.

3

На посту стоял пожилой артиллерист, призванный недавно по мобилизации, грузной комплекции и довольно робкий. Полное простоватое лицо его, тщательно выбритое, вытянулось от удивления, когда он увидел приближающегося к проходной лейтенанта со связанными руками и с пилоткой во рту. Гимнастерка на нем в темных разводах пота, и сам лейтенант, казалось, исходил паром. Боец вытаращил глаза. «Тута что-то неладное», – подумал он и вскинул винтовку:

– Стой!

Миклашевский, мотая головой, приближался к воротам.

– Не подходить! Стрелять буду!

Игорь злился. Дорога каждая минута! Нужно скорее назад, в лес, чтобы задержать гитлеровцев, переодетых в наших милиционеров.

– Стой, кому говорят! А то пальну!

Игорь остановился. Надо подчиниться, ничего не поделаешь. Он потянулся вперед, как бы говоря: вытяни к чертям изо рта пилотку! Но часовой не двинулся с места, держа оружие наготове. Утром на политзанятиях комиссар рассказывал, что фашисты применяют разные хитрости, засылают лазутчиков, переодетых в наших, всяких шпионов и диверсантов, и потому каждый боец должен быть бдительным. Часовой часто моргал, силясь понять, кого же он задержал. На вид вроде свой, артиллерист, и лицо как будто знакомое. Но растрепанный больно, взмыленный, да и руки хитро за спиной связаны, в рот пилотка засунута. Он смотрел на лейтенанта и не мог решиться: то ли выстрелом вверх поднять тревогу, то ли проконвоировать задержанного к проходной и вызвать начальника караула.

За спиной часового послышался гул мотора. К воротам подъехала полковая полуторка. Шофер дважды просигналил:

– Открывай, засоня!

Часовой движением штыка приказал Миклашевскому дойти к проходной:

– И не думай убежать, все одно пуля догонит!

Шофер, высунувшийся из кабины, узнал боксера и крикнул:

– Это же свой! Наш чемпион!

Через несколько секунд шофер выскочил из кабины и вырвал у Миклашевского изо рта кляп. Игорь широко вздохнул, поперхнулся воздухом. Сведенные от напряжения челюсти почти не двигались, а язык, казалось, одеревенел. Он не мог выговорить ни слова, закашлялся с надрывом, глаза заслезились.

– Сейчас освободим руки! – шофер вынул складной нож и перерезал тонкие веревки.

Часовой сбежал в будку, принес чайник с водой и, налив кружку, протянул Миклашевскому:

– Сполосни глотку – полегчает.

Игорь осушил кружку и, переведя дух, нервно заговорил:

– В лесу... Немцы... переодетые милиционерами... Скорее!..

Прозвучала боевая тревога, и лейтенант Миклашевский повел группу вооруженных бойцов в лес. Миновали низину, взбежали на крутобокий косогор. Обратный путь показался Игорю значительно короче. Бежали молча, легко и быстро, как в командных соревнованиях по бегу. Выскочили на поляну, на которой ему встретились женщины. В траве валялись берестяные лукошки с грибами. Зенитчики, свернув влево, пролезали через кусты черемухи и заросли хвойного молодняка.

– Вот они! – неожиданно раздался крик. – Сюда, ребята!..

Миклашевский вместе с другими ринулся на зов, ломая ветки, продираясь сквозь заросли. Когда он приблизился к немецким разведчикам, их уже обезоружили.

– А третий? Где третий? – Игорь обвел глазами полянку. – Куда девался третий?

– Их тут было двое, – виновато ответил конопатый боец, первым обнаруживший немцев. – Лежали под сосной...

– Ищите третьего!

Зенитчики обшарили все вокруг, но третьего диверсанта не нашли. Он исчез, словно провалился сквозь землю.

Игорь шагнул к Фрицу. Фашист в страхе съежился, ожидая удара.

– Где обер-лейтенант? – спросил по-немецки Миклашевский.

Фриц отрицательно замотал головой.

Миклашевский повторил вопрос Гансу. Немец буркнул, сплевывая кровь:

– Он нам не докладывал...

– Что он сказал? – зенитчики пристально смотрели на лейтенанта. – Переведи, что он лопочет.

– Не знает, где офицер, – ответил Игорь, чертыхаясь. – Смотался, скотина!..

4

Немецкие разведчики на допросе назвали себя: ефрейтор Ганс Батлер и рядовой Фриц Хойзнер. Третий – ему удалось, как сказал Фриц, избежать встречи с русскими – был обер-лейтенант Хельмут Гезенриген. Все они из взвода разведки 41-го моторизованного корпуса группы «Север», танковые дивизии которого ведут бои на подступах к Пскову. Последнюю фразу Миклашевский принял за хвастовство: не может быть такого, чтобы бои уже шли так близко, врут они насчет Пскова. Свои предположения он высказал вслух.

– Это мнение держите при себе, – сухо сказал лейтенант особого отдела, записывая показания пленных. – Точно переводите каждую фразу.

Батя, комиссар и начальник штаба промолчали, и это было красноречивее слов. Миклашевский понял, что те знают о том, что бои уже идут где-то неподалеку от Пскова.

– Через несколько дней германские войска будут здесь, – высокомерно заявил Ганс, окидывая всех покровительственным взглядом. – Если желаете сохранить себе жизнь и хорошее отношение оккупационных властей, то я могу дать добрый совет...

Немцев после допроса отвели на гауптвахту, по одному заперли в камеры, и у дверей поставили караул.

Днем лейтенант Харченко вызвал Миклашевского к себе.

– Корректировать огонь батареи сможешь?

– Если потребуется, и огонь вести смогу, – ответил Игорь, не понимая, к чему клонит взводный. – Всему научиться можно, было бы желание.

Лейтенант Харченко подошел почти вплотную к Игорю и тихо сказал:

– Меня только что назначили командиром взвода управления. Дали право взять одного лейтенанта разведчиком. Пойдешь?

Игорь согласился, не задумываясь.

Глава шестая

1

Старший лейтенант Черкасов был назначен командиром танкового батальона. Старшина Григорий Кульга стал командиром боевой машины. Механиком-водителем в его экипаж попал бывший тракторист Клим Тимофеев. Еще в экипаж Кульги добавили башенного стрелка Данилу Новгородкина и радиста Виктора Скакунова, невысокого худенького парня с круглым девичьим лицом, студента второго курса Ленинградского университета, который в двадцать два года все еще выглядел мальчишкой. Характер у него был мягкий, покладистый. «Не танкист – барышня в штанах», – сказал о нем механик-водитель.

Башенный стрелок Данило Новгородкин, разбитной и веселый малый с квадратным загорелым лицом, заядлый футболист, служивший второй год срочную службу, пришел в экипаж с потертой мандолиной. «Командир, воевать будем с музыкой! – сказал он и выразительно похлопал ладонью по прицельному приспособлению. – Запомнят немецкие фрайеры нашу самостоятельность!»

...Они ехали в сторону Пскова. Вдоль железнодорожной насыпи навстречу им тянулись подводы с домашним скарбом, шли толпами старики, старухи, женщины, дети... И этой веренице, казалось, не будет конца.

Перед самым Псковом эшелон повернули на станцию Карамышево, где перед самым рассветом бригада спешно выгрузилась. Кругом виднелись следы бомбежки. Здание вокзала сиротливо стояло без крыши и черными глазницами выбитых окон смотрело на разрушенные пути, разбитые товарные вагоны, чадающие паровозы... На месте складских помещений лежали кучи кирпича и мусора, из них торчали обугленные балки, доски, то там, то здесь зияли чернотой большие воронки. Танкисты притихли.

– Да, был концертник, – вздохнул Новгородкин. – Ничего не скажешь, профессиональный уровень.

Григорий хмуро смотрел вокруг и тихо наливался непонятной самому себе злостью к тем неведомым людям-разрушителям, хотя отродясь не испытывал ни к кому ненависти, ибо как и все сильные люди он был всегда добр и великодушен. Но вид разбомбленной станции, следы пожаров произвели на Кульгу тягостное впечатление.

Едва бригада выгрузилась и прибыла своим ходом к берегу реки Черехи, старшину вызвали к полковнику. Он видел комбрига впервые, но орден Боевого Красного Знамени на гимнастерке командира внушал уважение, хотя на первый взгляд в полковнике ничего боевого не отмечалось: невысокого роста, щуплый, голос тихий, без металла.

Разговор был короткий. Получив боекомплект, заправившись горючим, танк Григория Кульги двинулся в разведку.

2

Позади осталась большая деревня Осиновичи. Потом ехали по лесной дороге мимо широкого болота, поросшего осокой, проскочили село Назимово, притихшее и настороженное, с пустынными улицами, в домах закрыты ставни, занавешены окна, словно такие предосторожности могли спасти хозяев от надвигающейся беды. Из Назимова танкисты решили по проселочной дороге выбраться напрямиком к Красным Прудам, а уж оттуда свернуть сперва на Дуловку, разведать шоссе, что идет от города Остров на Псков, на Ленинград. Полковник пре-

дупредил Кульгу, что вчера вечером немцы прорвали оборону и овладели городом Островом и наверняка движутся в сторону Пскова, но где именно находится противник, штаб не знал.

Дорога бежала навстречу, стелилась под тяжелые траки гусениц. Солнце стояло высоко и, казалось, соревновалось с мотором, кто из них погорячее нагреет боевую машину. Встречный ветерок, как полотенце, насухо вытирал шершавое загорелое лицо, шею, сушил губы.

– Эх, кваску бы хлебнуть! – не выдержал механик-водитель Клим Тимофеев, облизывая обветренные губы. – Мочи нету, так все внутри у меня пересохло.

– А может, пивка кружечку? – тут же откликнулся певучим голосом Данило. – Какого прикажете подать? Ах, не хотите!.. Тогда пиво отменяется, – согласился Новгородкин и нарочито вздохнул. – Тылы наши далеко, даже командир через биноклю не разглядит. Терпи, братуха Клим, мы воды тебе дадим.

– Я и так терплю, – ответил Тимофеев, двигая рычагами и переключая скорость на подъеме. – Только бы сполоснуть глотку, а то изнутри весь высохну. Сотворить бы привальчик на пару минут у колодца...

Григорий опустил бинокль. «Мысль неплохая», – подумал он о привале и, когда танк взобрался на хребтину взгорья, осмотревшись, сказал:

– Клим, видишь справа за деревьями сруб? Чеши туда. Где люди живут, там и вода всегда рядом.

Спустившись с взгорья, Тимофеев лихо развернул танк и подвел грузную машину по дорожке к хрупкому частоколу. Григорий высунулся из верхнего люка:

– Эй, кто живой есть в доме?

Хлопнула дверь, и на крыльце показалась седая сторбленная старуха с темным платком на плечах. Она издали спросила:

– А вы кто будете?

– Тю, бабуса! Разве ж немцы по-русски говорить станут?

– Кто его знает, сынок, стара я стала...

– Колодец здесь имеется? Нам попить бы водицы, да и с собой взять.

– Воды не жалко, – засуетилась старуха, – колодец во дворе, за избою. Проходите. Там и ведерко... А я вам молочка принесу. Парное молочко. Только подоила корову...

Она вынесла объемистый глиняный кувшин, прижимая его руками к впалой груди.

– Испейте.

– Спасибо, мамаша!

Танкисты повеселели. Кувшин переходил из рук в руки. Данило Новгородкин, отдав посудину радисту, вытер тыльной стороной ладони губы.

– Вот это заправочка!

Вдруг раздался предостерегающий выкрик:

– Фашистские танки! Впереди на дороге!.. Четыре штуки!..

Экипаж мигом вскочил в боевую машину. Тимофеев включил мотор, и танк задрожал, как конь перед стартом. Григорий рассматривал в бинокль немецкие машины. Квадратные башни, короткоствольные пушки. На бортах белые кресты. Они шли одна за другой на небольшом расстоянии.

– Вызывай штаб бригады, – велел Кульга радисту, потом скомандовал Новгородкину: – Орудие к бою! Бронебойными!

Поправив левой рукой наушники, Скакунов передавал в штаб:

– «Орел», «Орел»! Я – «Чайка»!.. Да, да... Прием. Даю координаты.

Вдруг по броне кто-то настойчиво стал стучать. Кульга выглянул из люка. Возле танка стоял седой старик с двустволкой в руке.

– Сынки, не лезьте на рожон! Их вона четыре штуки... Сомнут в единый раз! Я тут все дороги знаю, давайте уведу в лес... Переждете, а потом и махнете к своим.

– Драться будем, отец, – ответил старшина, – а не прятаться по кустам.

– Погодь, служивый! Пуля – она дура, не подставляй башку. На войне и прятаться не зазорно, и отступать иногда надобно. Когда с французами бились, так до самой Москвы допустили... Ты на меня за обидные слова не сердчай...

– Все правильно сказал, папаша. Все так и есть! – и попросил: – А теперь уходи подальше, а то зацепит ненароком.

Кульга не спешил закрывать люк. «Подальше от дома надо бы отойти», – мелькнула мысль, пока он оглядывал место боя, но на маневр уже не оставалось времени. Немецкие танки, грохоча и урча, приближались.

Отсюда, из-за дерева, их хорошо было видно. Грузные серые чудовища с намалеванными на боках белыми крестами мчались по дороге с приличной скоростью, уверенные в своей мощи, вздымали пыль и, как казалось Григорию, жадно хватали стальными траками, как загребущими лапами, метр за метром русскую землю. Внутри у Кульги на какое-то мгновение все остановилось, застыло в напряжении. Он первый раз видел перед собой настоящие боевые вражеские машины и остро ощутил напряжение момента, который отделял прошлое от неизвестного будущего. Один против четырех! Они, эти грохочущие и лязгающие чудовища, уже отмахали полтыщи верст, побеждая и втаптывая в землю, раздавливая и сминая преграды. Отмахали по нашей земле. Что один танк может им сделать? Остановить?..

– По головному, – выдохнул Кульга. – Бронебойным...

Башня медленно разворачивалась, ведя темным зрчком пушечного дула за серым крестатым туловищем. Новгородкин, прильнув к прицельному приспособлению, наводил орудие. Немецкие танки показались ему чем-то похожим на те грязно-серые фанерные макеты, по которым еще недавно бил на полигоне.

– Выше бери!.. Под срез!.. Быстрее! – торопил старшина. – С учетом скорости...

Едва передний танк подошел к тому месту, где «тридцатьчетверка» несколько минут назад делала поворот к дому лесника, и на какое-то мгновение сбавил бег, словно почувствовав опасность, Кульга крикнул, подавшись вперед:

– Огонь!

Молния метнулась из ствола пушки, резко и близко около лица саданул гром. В уши ударило жаркой тугой волной, башня наполнилась едким пороховым дымом. Григорий не видел полета своего снаряда, только там, на дороге, железное туловище крестатой машины вздрогнуло, словно его хлестнуло чем-то тяжелым, и послышался глухой взрыв. Кровь пошла толчками: «Есть!» Танк сразу встал, словно натолкнулся на невидимую преграду, начал окутываться легким дымком, который густел и темнел на глазах, и через рваную рану на боку выскочили острые языки пламени.

– Попал! Попал! – чумазое квадратное лицо Данилы расплылось в улыбке. – Видали?

– Горит... Горит! Горит! – Виктор Скакунов сжался, настраивая передатчик.

Немецкие танки на какой-то миг притормозили, очевидно, выискивая противника. Четвертый, последний, попятился назад и стал разворачиваться.

– По второму! – крикнул Кульга срывающимся голосом. – Новгородкин!.. Два снаряда... Огонь!

Тимофеев стиснул рычаги управления, готовый по первому слову Кульги бросить послушную машину вперед. Минуту назад он остро чувствовал одиночество в этой железной коробке, безвыходность и обреченность. Смерть надвигалась на него четырьмя фашистскими танками. И вдруг такое! Подбитое немецкое чудовище, которое жадно лизали оранжевые языки пламени, принесло облегчение – бить-то их, оказывается, можно! По всем статьям, выходит, можно!

Там, впереди, уже разворачивался на месте второй танк, яростно воя мотором и царапая землю, распуская по дороге плоскую стальную гусеницу. Башня танка вращалась, выплевывая

из короткого ствола оранжевые слепящие языки огня и грома. А стальная плоская змея все сползала и сползала с зубчатых колес, пока наконец полностью не соскочила, и танк, как раненый зверь, не закружился в предсмертных муках.

– Еще два снаряда! Беглым! Огонь!..

Рядом с Кульгой вылетали из казенника пышущие жаром гильзы, обдавая прогорклым едким запахом пороховой гари. Но Григорий ничего не видел и не слышал. Он был там, на дороге, у подбитой машины. «Добить, добить!» – гудела в голове единственная мысль.

Плеснул косым пламенем взрыв на покато́й широкой груди железного существа, и оно, слепо рванувшись вперед, потом в сторону, задрожало на месте, конвульсивно дернулось несколько раз и уткнулось в неглубокий кювет.

– Так их, гадов!

Оставшиеся два танка, пятась назад, яростно выплескивали из коротких стволов острые вспышки огня. Впереди и сбоку «тридцатьчетверки» взметнулись черные фонтаны земли, по броне застучали комья глины и сломанные ветки.

– Вперед! – крикнул Кульга водителю. – Жми!

«Тридцатьчетверка» сорвалась с места и, подминая молодые сосенки и кусты, устремилась к дороге, наперерез фашистским машинам. Тимофеев дал полный газ. Старшина, вцепившись руками в скобу, неотрывно смотрел на убегающие немецкие танки.

– Жми, Тимофеев! Жми, дорогой!

«Тридцатьчетверка» некоторое время бежала по ровному месту, не качаясь и не подпрыгивая, пересекая низину, и вдруг с налету врезалась во что-то мягкое и вязкое. Рядом рвались снаряды, выбрасывая фонтаны земли и грязи. Командир почувствовал, что машина начала оседать, выдохнул:

– Тимофеев! Ты что?!

Механик-водитель, закусив побелевшие губы, быстро переводил рычаги. Но машина не слушалась управления. Мотор натужно гудел, как на самом тяжелом подъеме, однако не мог сдвинуть машину с места: гусеницы, выбрасывая веер грязи, увязали в черном месиве.

– А, черт собачий! – Кульга выругался и выглянул из верхнего люка: под высокой травой оказалось небольшое болото, пересекавшее низину. – Надо же, угодили!

Тимофеев старался изо всех сил, пытаясь выбраться из трясины. Новгородкин, пользуясь остановкой, послал вдогонку убегающим серым машинам несколько снарядов.

– Прекрати огонь! – скомандовал Григорий.

После многих отчаянных попыток выбраться из болота обессиленный неудачами Тимофеев выключил двигатель. Танк перестал дрожать. Все молчали, словно не решаясь спугнуть тишину. Слышно было, как сзади на дороге в горящих немецких машинах с треском рвались снаряды. Первым не выдержал Тимофеев. Стянул с головы шлем, вытер вспотевший лоб и с горечью сказал:

– Крепенько влипли!..

– М-да, ситуация! – поддакнул Кульга.

Прижимая наушники, Виктор Скакунов вдруг заулыбался, и его лицо просветлело.

– Товарищ командир, из штаба бригады, – быстро заговорил радист.

– Ну, что там?.. Давай.

– Благодарность передают... От самого комбрига, за два подбитых танка, за успешную разведку...

Старшина поморщился: благодарность была так некстати, она не приносила никакой радости, лишь обостряла неудачу.

– Что отвечать, товарищ командир?

– Передай: сели в болото.

– Какое болото, спрашивают.

– Самое обыкновенное, – сказал Кульга, рассматривая на раскрытом планшете карту. – Сообщи координаты.

Радист через минуту помрачнел и тихо произнес:

– Комбриг ругается... матом костерит... Если, передает, не выберетесь, шкуру спущу.

Кульга грустно вздохнул, закрыл планшет и придавил кнопку. На душе у него стало муторно и тягостно.

3

Белые ночи, знаменитые ленинградские белые ночи, которыми еще недавно восторжались, теперь вызывали одну неприязнь. Редкие и жидкие облака, похожие на распущенные и вытянутые комки ваты, не спеша двигались по белесому небу, изредка на короткое время закрывали луну, не принося желанной темноты. Ох как она сейчас нужна, эта темень, осенняя густая темень. Но ее не было.

Бойцы хмуро поглядывали в светлое небо и тихо переругивались. Казалось, что в эти тяжелые дни сама природа предательски потворствует фашистам. О каком скрытном передвижении может идти речь, если в самую глухую полночь видать как днем?

Монотонно и глухо цокали копыта. Уставшие кони тянули зенитные пушки, зарядные ящики, за которыми пешим ходом двигались артиллеристы. Проселочная дорога, выйдя из леса, взбежала на пригорок, и с небольшой высоты открывался широкий обзор на просторное ржаное поле, чем-то похожее на уснувшее озеро. Слева вдаль темнели силуэты домов какой-то деревни, чуть слышно оттуда доносился собачий лай, мычание коров, веселая переключка петухов. Впереди, за полем, вставал сосновый бор. Справа, пересекая поле, тянулась насыпь. Тяжело и натужно пыхтя, показался паровоз, выбрасывая в небо из трубы вместе с черным дымом снопы красных искр. Он тащил длинный состав. На открытых платформах стояли танки. Задрав к небу тонкие дула, вырисовывались зенитные пушки. В товарных вагонах распахнуты двери, светятся оранжевыми точками огоньки папирос да слышатся веселые переборы гармоники.

– С полным комфортом костят! – с завистью сказал Сотейников. – А мне в жизни сплошное невезение. Даже к смертному рубежу пеши топтать приходится...

– Странный ты тип, Сотейников! Второй день на батарее и все про смерть толкуешь, словно в первом же бою всем нам каюк будет! – возмутился Любанский, бросая под ноги окурок.

Любанский мечтал о наградах. В двадцать три года он уже добился большого успеха. Считался лучшим наводчиком в полку, поражал цель с первого выстрела и потому горел желанием скорее попасть на передовую.

– А чего веселого ждать, когда немец прет-то как! – бубнил Сотейников. – За две недели три республики. Не сегодня, так завтра в Ленинградской области окажется. Сплошные похороны получают.

Антон Петрушин, командир орудия, молча шагал рядом с лафетом. Рослый, длиннорукый. Он повернул голову и зычно произнес:

– Не каркай, батя!

– Я не каркаю, молодой человек...

– Не молодой человек, а старший сержант, – беззлобно поправил бойца Петрушин. – Привыкать надо к уставу.

– Привыкание не особенно получается, когда знаешь наперед, какая разневеселая судьба тебе уготована. Своими шагами последние часы жизни отмеряю, товарищ старший сержант.

Петрушин недовольно хмыкнул, потом пристроился к Сотейникову, несколько минут угрюмо шел рядом. По всему было видно, что у Антона происходила внутренняя борьба с

самим собой. Ему, строевику кадровому, привыкшему к беспрекословному повиновению подчиненных, не терпелось осадить новичка, резким приказом прекратить эти, как он считал, «отступательные настроения». Но в то же время ему хотелось сказать человеческие, добрые слова рядовому Сотейникову, который вместе с ездovým Игнатом Ельцовым неделю назад прибыл в батарею, еще не обвык: на учебных стрельбах ошалело таращил глаза и затыкал уши клочками ваты, вот теперь вместе со всеми движется на передовую. Петрушин вспомнил подносчика снарядов Василия Куланчикова, разбитного и веселого малого, с которым прослужил пару лет. Ваську перевели на другую батарею, он теперь стал наводчиком. Овладел парень мастерством огня. А вместо него прислали Сотейникова. И тут Петрушин припомнил слова, вычитанные в книге и, почему-то запав ему в душу, казавшиеся весьма мудрыми.

– Не хнычь, батя, – Антон взял Сотейникова за локоть и философски изрек: – Человек должен всегда быть в пути, в движении то есть. Тут его самое главное призвание.

– Что?

– В пути, говорю.

– Что в пути?

– Призвание – главное для человека.

Сотейников удивленно посмотрел на командира. Откровенно говоря, он ждал резких слов, приготовился к самообороне, а тут такое тот сказал, что и ответ не сразу подыщешь. Рядовой только вздохнул:

– Без передыху... даже скотина долго не выдержит. Без привала никак нельзя.

– Придем на место – и привал, – командирским тоном сказал Петрушин, довольный исходом разговора. – И горячая пища.

– Горячая пища – это хорошо! – Бердыбек Тагисбаев поправил сползающую с плеча винтовку. – Бешбармак – очень вкусно!..

Он молча слушал разговор батарейцев, стараясь проникнуть в суть каждой фразы, но это ему не всегда удавалось. Многие слова он просто не понимал, вернее, не совсем точно понимал. Служил Тагисбаев второй год, имел не одну благодарность за хорошую службу и, хотя числился в расчете заряжающим, мог в случае надобности заменить наводчика. Он мечтал стать наводчиком, первым номером, а если судьба улыбнется, и командиром орудия, как Петрушин.

Ржаное поле осталось позади. Дорога шла сосновым бором. Пахло хвоей, прелью и грибами. С тонким звоном носились остервенелые комариные стаи. Кони фыркали, мотали головой. Людям тоже было несладко. Любанский сломал ветку и яростно размахивал ею, отпугивая комарье. Но идти с винтовкой за плечом не очень-то приятно. Откинув ветку, Любанский достал расческу и обратился к шагавшему рядом Сотейникову:

– Спички имеются?

– Чего хочешь?

– Запалить. Комары боятся дыма...

– Дай сюда твою чесалку, – Сотейников, скосив глаза, внимательно разглядел фигурную расческу в руках Любанского.

– Зачем?

– Обменяемся. Пали мою, она поболее твоей, хотя у нее уже зубья поредели.

Чиркнув спичкой, Любанский зажег крупную с поредевшими зубьями расческу. Повалил белесый густой дым, едкий и противный.

– Сюда, ребята, прячься под дымовую завесу от летучих разбойников!

Сосновый бор перешел в ельник, густой и темный. Изредка то там, то здесь вытягивались в струнку белые березки, словно они приподнимались на цыпочки и старались разглядеть хмурых бойцов.

4

Дорога пошла под уклон. Впереди замаячила высокая тонкая фигура взводного. Кирилл Оврутин находился впереди своего взвода, как и положено ему по уставу.

– Впереди спуск! Тормози! – голос у взводного поставлен правильно, зычный и резкий. – Одерживай!

– Все к орудию! – повторил команду Петрушин и вместе с бойцами кинулся к пушке. – Одерживай!

Зенитчики привычно и деловито облепили орудие, руками придерживая передок. Спуск был очень крутым. Ездовые, матерясь, откидывались назад и натягивали поводья приседавших на задние ноги лошадей.

– Держи, ребята-а!.. Держи-и!

Оврутин проследил придирчивым взглядом за спуском своего взвода и, когда последнее орудие, облепленное бойцами, плавно скатилось по склону вниз, облегченно вздохнул:

– Порядок в артиллерии!

Отсюда, с уклона, было хорошо видно, как растянулась батарея, двигаясь отдельными группками, вокруг орудия колыхались спины с буграми вещмешков, перекошенные ремни с подвешенными гранатами, а над плечами палками торчали дула карабинов... Недавнее безразличие, которое охватило Кирилла, злость на бесконечный марш как-то сразу прошли, хотя усталость давила на плечи. Он хотел было пуститься бегом вниз, догнать и возглавить свой взвод, как за спиной услышал свое имя:

– Киря, погоди!

Оврутин оглянулся и узнал лейтенанта Харченко из взвода управления. Рядом с ним шагала знаменитый боксер, гордость батареи лейтенант Миклашевский, тот самый Игорь, о котором последние дни говорили в каждом взводе: попал в плен и связанным одолел трех немецких диверсантов!

Кирилл подождал Харченко с Миклашевским, поднял руку в дружеском приветствии и тут же спросил:

– Не знаешь, друг, когда будет привал? Или о нем забыли?

– Скоро, Оврутин, скоро. Даже раньше, чем ты предполагаешь. И не привал, а конец марша.

– Иди ты!

Харченко подошел вплотную к взводному и шепнул на ухо:

– Нам, кажется, изменили маршрут. Придется сегодня топтать без передыху.

Глава седьмая

1

Едва Новгородкин открыл, вернее, приподнял нагретую солнцем тяжелую крышку люка, как откуда-то сбоку полоснула автоматная очередь. Пули звонкой дробью застучали по броне башни.

– Назад! – выдохнул криком Кульга, дергая башенного стрелка за комбинезон.

Данило быстро захлопнул люк. Лицо его ничего не выражало, только щеки покрыла серым налетом бледность, да губы стали неестественно белыми. Он попытался улыбнуться, но улыбка получилась кислой. И башенный стрелок зло выругался:

– Из автомата, командир...

– Пехота? – радист округлил глаза. – Нас окружают? Да?..

– Спокойно! – приказал старшина. – Разберемся. Новгородкин, наблюдать! Тимофеев!..

– Слушаю.

– Проверь аварийный люк.

Водитель с горем пополам открыл аварийный люк, хмуро посмотрел на густую грязь. Надо же так угораздить! По самое днище влезли.

– Ну, что там? – нетерпеливо спросил Григорий.

– Сели на брюхо...

– Мд-а-а!.. – вздохнул Кульга. – А выбираться, братцы, как-то надо.

– Засек! – выпалил Новгородкин, хватаясь за пулемет. – В черных комбинезонах...

Наверное, из подбитого танка...

– Где?

– В кювете! Вот тама, где кустик торчит!

Кульга приник к триплексу – смотровой щели: за жидким кустиком черемухи, что росла у дороги, виднелись темные комбинезоны немецких танкистов.

– Уходят, стервецы!

Данило резанул длинной очередью. Пули возле распластанных фигур взбили фонтанчики пыли.

– Сволочи!..

Глухо стукнула крышка люка водителя. Тимофеев вскинул карабин и, не выходя из танка, прицелился. Хлопнул выстрел. Один немец дернулся и уткнулся лицом в придорожную траву. Клим быстро перезарядил карабин.

– Закрывать люк! – крикнул Кульга. – Что за самодеятельность?

Другой немец, приподнявшись, застрочил из автомата. Пули звонко простучали по броне. Тимофеев плюхнулся в кресло. Щеки его обескровились, поблекли. Новгородкин резанул второй очередью, но так и не поразил бежавшего зигзагами немецкого танкиста. Тот уходил все дальше и дальше. Пригибаясь к земле, делал броски вперед, падал, строчил из автомата, вскакивал и снова бежал.

– Не трать патроны! – приказал старшина башенному стрелку. – Еще пригодятся!

Данило прекратил стрельбу. Несколько минут экипаж сидел молча. Рядом с танком ошалело квакали лягушки. От болота несло прелью и тиной.

Клим прислонился разгоряченным лбом к нагретой броне, вспоминая родной дом под железной крышей, с резными наличниками, которые он недавно выкрасил белой краской. А вот крышу не успел покрасить. Не достал зеленой краски. Можно было бы, конечно, и суриком покрыть, как сосед, да не хотелось. У Тимофеевых всегда крыша краской зеленого цвета

покрывалась. Фасон держали. Глупость несусветная! Отсюда, с войны, многое по-иному смотрится и ценится. Не все ли равно, какой краской, главное, чтобы железо кровельное сберечь.

– Тимофеев! Ты что, дрыхнешь?..

– Я... Я тут, – Клим тряхнул головой. – Тут я, товарищ командир.

– Приоткрой люк.

– Можно и открыть.

Клим стал боком, прижавшись к броне, и осторожно распахнул люк водителя. Солнце опустилось довольно низко, и его лучи скользнули внутрь машины, осветляя кожаное сиденье, рычаги управления. На покатой лобовой броне устроилась стрекоза, и ее прозрачные крылышки, словно стеклышки, светились на солнце. Перед танком возвышался пучок осоки. Крупная пучеглазая лягушка, примостившись на гнилушке, удивленно таращила глаза на незнакомое зеленое чудище.

– Вроде спокойно, – сказал механик-водитель, робко выглядывая из люка.

– Тимофеев, первым вылазь, – приказал Кульга. – За тобой Новгородкин, потом я. Радисту находиться в машине.

Клим приблизился к люку, выглянул.

– Давай, давай, – торопил его Данило. – Шевелись живей!

Тимофеев выскользнул из танка и сразу провалился почти по колено в вонючую жижу. И застыл, напряженно вслушиваясь. Каждая мышца напряглась в тревожном ожидании. В проеме люка показалась голова Новгородкина. Он вылез, держа карабин наготове.

– Как тут?

– Вроде тихо, – прошептал Тимофеев.

– Да я не о том, – усмехнулся Данило. – Глубоко под ногами?

– Под ногами? – переспросил Тимофеев. – Не больно так, по край голенища.

Башенный стрелок осторожно ступил в болото, потоптался, переминаясь с ноги на ногу.

– Вязкое дно.

В люк просунулся Григорий Кульга.

– Новгородкин! Осмотреть подбитые танки. Только осторожно. Может, там раненый фашист притаился.

– Есть осмотреть танки!

Новгородкин пригнулся и, чавкая сапогами, двинулся в сторону танков. Один дымил черным смядом. Другой, как подбитый мамонт, уткнулся серой громадой в кювет, разворотив вокруг себя землю.

Данило, стараясь беззвучно ступать, обошел подбитый танк. Смутное чувство сожаления шевельнулось у него внутри. Лобовая броня на широкой груди танка разворочена прямым попаданием, и острые рваные края отливали на солнце серебряным блеском. На башне темнели вмятины и зияла пробоина. Такую машину за несколько минут боя исковеркали, превратили в груды металлолома! В стороне широкой полосой лежала сползшая с зубчатых колес тяжелая гусеница. И в то же время ему было приятно смотреть на свою «работу». Чистое попадание!

Новгородкин влез на танк, заглянул в открытый верхний люк. В нос ударил пороховой сладкий запах гари. Снаряд внутри все разворошил и перемешал. Лезть туда Новгородкин не решался. Тошнота подступила к горлу, и он отстранился от люка. Не хотелось верить, что и это его «работа».

«Лучше б сгорел, как тот, – подумал он, осторожно спрыгивая с танка. – Сгорели бы, и точка!»

Вернулся к своим Новгородкин хмурым и злым.

– Ну, что? – спросил Кульга, перемазанный тиной.

– Гроб железный...

– Трофеи подобрал?

- Какие там трофеи? Все смешалось.
- Документы и оружие, – сухо произнес Григорий.
- Данило молча повернулся к дороге, но Григорий остановил его:
- Ладно, потом сходим... Мы тут все осмотрели, облазили танк кругом. Засели, конечно, крепенько, но не безнадежно. Если назад подвинуться на пару метров – выскочим.
- Подстил сотворить надо, – рассудительно добавил Тимофеев. – А для подстила кругом лесу – вагон! Кумекаешь, Данило?

2

Солнце взошло и весело выглянуло над лесом. Зенитчики подходили к Лудони, крупному селу. Белесые туманы, прячась от солнца, уходили в густые чащобы, прятались по низинам и там редели, таяли. Село уже проснулось, а может быть, оно совсем не ложилось спать. Еще издали артиллеристы слышали шум моторов, ржание коней, ляг гусениц, надсадные сигналы автомашины, мычание коров, лай собак... Ветерок доносил привычный запах человеческого жилья, и зенитчики, уставшие от бесконечного марша и голода, прибавили шагу. Лошади, словно понимая людей, шли без понукания, роняя хлопьями белую пену с губ. В разбежавшихся светлых сумерках, в прозрачной чистоте утреннего прохладного воздуха впереди на пригорке, за темными стволами елок все отчетливее вырисовывалось село. Над клубом взметнулся вверх тонкий шест антенны. Белым кубиком стояло кирпичное беленькое здание школы, окруженное зеленым садом.

- Братцы, кухня! Никак наша?
- Наша, батарейная... Как пить дать наша!

Кухню через пару минут облепили огневые расчеты, вытянулась хвостом очередь. Бойцы, предвкушая еду, шумно переговаривались. Повар солидно возвышался над котлом и, проворно действуя черпаком, наполнял алюминиевые котелки.

Взвод управления расположился на опушке. Игорь Миклашевский выбрал местечко возле молоденькой березки. Усталое тело лейтенанта ныло, ноги натужно гудели. Ему хотелось есть, в животе нетерпеливо побулькивало, и клонило в сон. Ночные бесконечные марши изматывали Игоря.

- А, вот ты где расположился!

К березке приближался, широко шагая длинными ногами, рядовой Матвей Александрин, тоже из взвода управления, нескудный малый, чем-то похожий на грузина или на украинца, сразу не поймешь. Темные, орехового цвета глаза его с лукавой усмешкой в глубине да добродушная улыбка большого рта как-то сразу располагали к себе.

Они подружились сразу, едва сформировали взвод управления, сам Александрин не отходил ни на шаг от лейтенанта, обожествляя командира отделения разведчиков. Матвей знал Игоря давно, еще по Москве, когда Миклашевский делал первые и довольно успешные шаги на ринге. Александрин сам тренировался в боксерской секции, однако особых удач не имел, ибо боксерская наука давалась ему с большим трудом, хотя природа наделила его и длинными руками, и крепким сбитым телом, и бойцовским характером. Но все дело портила, как он сам утверждал, южная кровь, что текла в Матвеевых жилах. Александрин легко загорался, вспыхивал и так увлекался, что забывал о защите, о выученных приемах и, главное, даже о грозных правилах, за нарушение которых судьи на ринге частенько наказывали его предупреждениями и иногда дисквалификацией за нетехническое ведение боя...

Игорь в свою очередь был рад земляку, и они часто вспоминали родную Москву. Александрин мысленно переносился в Замоскворечье, на Серпуховку, где стояли корпуса Электромеханического завода имени Владимира Ильича. А Миклашевский больше говорил о центре Москвы, о театрах, где на сцене выступали его мать и тетка, об институте физкультуры, в кото-

ром Миклашевский учился, да о тихом переулке возле Никитских ворот, где протекли детство и юность, а сейчас находились жена Елизавета и сын Андрюшка... Москвичи, где бы они ни встретились, всегда тянутся друг к другу, как родственники.

Александрин осторожно нес, держа за дужку, алюминиевый котелок, наполненный до самых краев кулешом, и пол-краюхи ржаного хлеба.

– Наливай, говорю повару, на двоих, – рассказывал с довольной улыбкой Матвей, усаживаясь рядом. – А кто, спрашивает, второй? Назвал я тебя, так он, знаешь, черпаком со дна, где мяса много, а потом еще раз сверху из котла, где жирок плавает. И еще старшина подбросил пяток кубиков сахара. Пируем, Игорь!

Миклашевский вынул из-за голенища алюминиевую столовую ложку с просверленной дырочкой на плоской ручке, достал носовой платок, обтер ложку. От котелка шел ароматный дух, зовущий и аппетитный, легкий парок курился и щекотал ноздри. Игорь зачерпнул ложкой густой жирный кулеш.

– Еда что надо!

– Отец мой говорил, что главный солдатский закон очень прост: никогда не отставай от кухни и реже попадайся начальству на глаза.

– Мудрый закон.

Они по очереди хлебали из котелка, заедая ломтями хлеба.

– Послушай, Мотя, – обратился Миклашевский к товарищу, – все я у тебя хотел спросить, да случая не представлялось.

– Валяй, – улыбнулся Александрин.

– Смотрю на тебя и не пойму, кто ты?

Александрин положил локти на колени, опустил ложку:

– Сам не знаю, к какому племени принадлежу. Смесь в моей крови приличная. По отцу одна, по матери другая...

И он рассказал, что отец его – болгарский коммунист Кирилл Александров, давний друг Георгия Димитрова, они встретились давно, еще когда компартии не было, а существовала подпольная группа «тесняков». Вместе боролись, сидели в тюрьмах, создавали тайные отряды, потом отца послали в армию вести агитацию. В ноябре семнадцатого года, узнав о революции в России, отец Матвея поднял батальон и вместе с офицерами перешел к русским. А дальше судьба его бросала по фронтам гражданской войны, где он встретил в лихом кавалерийском полку черноглазую санитарку с древним именем Эсфирь. Они полюбили друг друга, и в двадцатом году в полковом лазарете появился на свет их голосистый сын, которого отец назвал в честь погибшего в застенках друга Матвеем.

– Мать умерла в двадцать девятом от заражения крови... Понимаешь, чистила рыбу, случайно чуть задела ножом палец... Сразу не обратила на рану внимания, даже йодом не прижгла. А когда схватилась, было поздно. Мне было почти десять, я хорошо помню те кошмарные дни, хотя от меня многое скрывали. Потом я узнал всю правду. Матери делали операцию, сначала отрезали руку по локоть, потом по плечо... Но все напрасно!..

Александрин умолк, нагнув голову, пристально рассматривая свою ложку. Игорь помолчал, потом сказал, стараясь несколько успокоить товарища:

– У нас судьбы похожие... Только ты рос без матери, а я без отца.

– Я тоже без отца юность провел, – произнес Матвей, срывая травинку. – В Замоскворечье, в детдоме...

– Он жив?

– Не знаю... После смерти матери отец настоял, чтобы его послали в Болгарию на подпольную работу... И в тридцать первом, как мне потом рассказали, он ушел из Одессы с тремя партийцами на рыбачьей лодке. Перед отъездом отец целый день провел со мной: гуляли по

Москве, обедали в ресторане «Метрополь», вечером там же, рядом, в «Метрополе» смотрели фильм... Теперь я понимаю, как ему было тогда тяжело!

– И с тех пор никаких вестей?

– В тридцать пятом пришла записка, вернее, ее переслали тайно. За мной приехали на машине и прямо из детдома повезли по Каширскому шоссе на Воробьевы горы, где в лесочке такой дом пятиэтажный зигзагом построен.

– Знаю, там Коминтерн находился, – сказал Миклашевский, – и еще МОПР.

– Провели меня в кабинет к Дмитрову. Он тогда только-только из лап гестапо вырвался. Встретил Георгий Михайлович меня ласково, обнял и все про отца мне рассказывал, расспрашивал о моей жизни в детдоме и очень звал к себе, чтобы я поселился у него. Но я не хотел уходить от моих друзей по детдому и не пошел к Георгию Михайловичу жить, только часто навещал его.

Миклашевский, слушая Матвея, вспоминал, как в те годы много писали в газетах о поджоге рейхстага, о Лейпцигском судебном процессе и о мужественном борце Георгии Дмитрове, как вся Москва восторженно встречала болгарского революционера, когда он выюжным февральским днем 1934 года прибыл в Советский Союз.

– Ешь, Игорь, а то остынет кулеш, – сказал Матвей, отламывая кусок хлеба.

– А почему ты носишь фамилию Александрин, а не Александров, как у отца? – допытывался Миклашевский.

– Так отец захотел.

– Странно как-то... Очень даже странно, – Игорь еще что-то хотел спросить, но не успел. Над лесом послышался знакомый прерывистый гул моторов, и тут же раздался пронзительный крик:

– Во-о-оздух!!!

На какое-то мгновение все застыли на своих местах, задрав головы вверх, настороженно вслушиваясь и всматриваясь в блеклое марево неба, по которому лениво двигались распущенные облака.

– Вот они! – Матвей показывал вытянутой рукой с зажатой в пальцах ложкой. – Раз, два, три... Еще двое... И еще тройка подвалила...

Миклашевский и сам отчетливо видел немецкие самолеты. Они выныривали из облаков и с воем разворачивались над селом. Из-под крыльев фашистских самолетов вываливались маленькие продолговатые темные предметы. Набирая скорость, предметы падали на землю, крыши домов. Столбы дыма и огня вздымались в небо, и все тонуло в оглушительных взрывах. Когда взрывы стихали, артиллеристы слышали, как в селе торопливо, словно задыхаясь в приступе кашля, била полуавтоматическая зенитная пушка и дробно стучали пулеметы.

– К орудиям! Расчехляй!

Миклашевский вскочил, поднимая карабин. Александрин зло погрозил самолетам костистым кулаком:

– Гады, не дали пожрать по-человечески!

Зенитчики, срывая чехлы с орудий, готовились к бою. Лишь вокруг кухни выжидающе притихли несколько красноармейцев с пустыми котелками в руках, главным образом из тыловиков: подвозчики снарядов, связисты... Уходить, теряя очередь, не хотелось. Кирилл Оврутин, застегивая на ходу широкий ремень, подавал команды:

– Разворачивай! Высота тысячу двести!..

Вдруг прямо над головами зенитчиков неожиданно откуда-то сбоку появился серый самолет и с густым ревом устремился на притаившуюся в леске батарею.

– Коней! Коней уводи! – задыхался в крике взводный. – В чашу уводи!..

Миклашевский, ощущая неприятный холодок в животе, прислонился спиной к шершавой коре сосны, вскинул вверх карабин, понимая всю бессмысленность и никчемность своей стрельбы, но стоять в бездействии он не мог.

– Ложись!

Игорь плюхнулся на землю рядом с Александриним, и в тот же миг вздрогнула под ним земля, грохнул взрыв и тугая волна горячего смрада забила ему дыхание. Он на какое-то время задохнулся: в горле застрял комок противного перегара тола. Игорю хотелось встать и бежать в глубь леса, подальше от этого ада. Но он не мог оторваться от земли. Она снова дрогнула, и раскатисто лопнул второй взрыв.

Александрин, распластавшись рядом, чуть приподнял голову и округлившимися глазами уставился на Миклашевского.

Самолет промчался над лесом и взмыл вверх, делая разворот для нового захода.

– Давай к пушкам! – крикнул Матвей.

Лейтенант вскочил и, держа карабин, побежал к зенитной пушке, возле которой суетились артиллеристы. Александрин бросился за ним.

– Снаряды! – кричал с ожесточением Петрушин, размахивая руками. – Сотейников, скорее снаряды!..

Игорь, не раздумывая, не спрашивая никого, бросился через кусты к зарядной повозке. Рывком схватил деревянный ящик, вскинул его на плечо и, пригибаясь под тяжестью, поспешил к орудию.

– Заходит! Заходит на второй круг!

– Первое орудие... товсь!.. – хриповатый голос Оврутина звенел над временной позицией огневого взвода. – Упреждай! Огонь! Огонь!..

Любанский приник к резиновому наглазнику, от напряжения на широкой шее выступили красные пятна, гимнастерка на спине натянулась, как кожа на барабане. Правая его рука покоилась на спуске. Заряжающий Бердыбек Тагисбаев отработанным движением вгонял снаряд в орудие. В его раскосых глазах горел азарт степного охотника, которому удалось наконец встретиться с большим хищником.

– Огонь! Огонь!!!

Орудие выплевывало в небо снаряды, било в барабанные перепонки тугой волной, отчего в голове стоял сплошной гул. К ногам Бердыбека падали стреляные гильзы, дымные и горячие. А в небе, за зелеными вершинами сосен и елок, вокруг несущегося к земле самолета глухо взрывались белые комья ваты.

– Попал! Попал!

Миклашевский, опустив с плеча новый ящик со снарядами, тяжело дыша, посмотрел вверх, выискивая самолет. И он увидел недавно грозного и хищного врага, теперь же странно беспомощного, тяжело, как раненая птица, падающего на острые пики деревьев. Оранжевые языки пламени лизали туловище, выбиваясь из мотора. Черный дым густел с каждым мигом, оставляя в небе грязный широкий расплывающийся след.

– Долетался, гадина!

Игорь повернул голову и увидел Матвея. Александрин, опустив ящик на траву, широко улыбался, словно это он сразил врага. Миклашевский посмотрел на поляну, на которой несколько минут назад находилась полевая кухня и вокруг нее притихшие, не спешившие разбегаться красноармейцы с пустыми котелками. Бомба угодила совсем близко, и от котла остался лишь исковерканный обугленный кусок темного железа да сломанное колесо, торчащее деревянными пиками спиц. Рядом на траве валялся поварской черпак и чей-то мятый котелок. Убитые бойцы в разных позах застыли на траве. Старшина с лихо сдвинутым набекрень белым колпаком, прижав обе руки к животу, лежал на боку, вздрагивая в последних конвульсиях.

Фашистский самолет огненным факелом прочертил последнюю кривую и, ломая деревья, врезался неподалеку от места своего разбоя. Раздался раскатистый взрыв.

Глава восьмая

1

– Держите под наблюдением, – посоветовал Телеверов начальнику Лужского оперативного отдела батальонному комиссару Степняку. – Кажется, вы нащупали важный узелок, а может, и гнездышко серьезной птички.

Степняк рядом с осанистым Телеверовым казался еще тоньше и моложе своих тридцати лет. Загорелый, обветренный, перетянутый крест-накрест ремнями, в стираной гимнастерке и запыленных сапогах.

– Понимаем, Николай Гаврилович...

– И пальцы особенно не растопыривайте, чтобы не упустить.

– Не упустим. У нас такой номер не пройдет.

Позавчера на фронте два человека пытались перебежать к гитлеровцам. Одного перебежчика схватили, а другой был убит в перестрелке. Схваченный был в красноармейской форме. Он пытался выкинуть в кусты планшет с документами. Планшет, оказалось, принадлежал лейтенанту Лагудикову, которого нашли спящим в командирской землянке, накрытым шинелью. Когда подняли шинель, то обнаружили, что офицер убит.

У обоих – убитого и задержанного – перебежчиков карманы были набиты немецкими листовками с призывами переходить на сторону германских войск.

На следствии удалось выяснить, что тот, убитый в перестрелке, был рядовым Гурко, имел две судимости за уголовные преступления и в первые же дни войны стал изменником, перешел к немцам. Там его завербовали, скрытно переправили через линию фронта с заданием действовать в тылу и склонять к измене других бойцов. Именно он и нанес смертельные ножевые раны спящему лейтенанту.

Вместе с тем вызвали подозрение показания оставшегося в живых перебежчика, который по найденным у него документам числился рядовым саперного батальона Бронеславом Ковалевским. Отдельный саперный батальон в эти дни перебросили из-под Пскова на строительство Лужского укрепрубежа. Характеристику из штаба батальона на Ковалевского дали неплохую: трудолюбив, исполнитель, дисциплинирован, немного склонен к замкнутости, в хороших отношениях с другими бойцами.

Такая превосходная аттестация невольно вызвала удивление: как же мог примерный боец клюнуть на пустую приманку дешевого вербовщика? Что побудило его переходить к врагу? Во всем этом еще предстояло основательно разобраться. Бронеслава Ковалевского срочно вывезли в Ленинград, где будет продолжено расследование.

Сотрудники Лужского особого отдела взяли под наблюдение отдельных бойцов саперного батальона, тех, которые так или иначе сталкивались или дружили с перебежчиками. Чекистам стало известно, что все они были недавно призваны на службу, в последние дни чем-то взволнованы, при каждом удобном случае – на перекуре, во время обеденного перерыва, вечером перед отбоем – уединяются, шепчутся. Не они ли помогли тем перейти к немцам, не они ли снабжали их листовками? Однако любое предположение еще не доказательство. Бойцы числятся на хорошем счету у командира и политработника, их имена называют рядом с самыми лучшими саперами.

– Те двое были не одни, товарищ подполковник, – убежденно говорил Степняк, когда они обсуждали работу оперативного отдела. – Здесь остались у них корни...

– Выкладывай свою идею.

– Она проста. Я знакомился с материалами предварительного следствия и обратил внимание на одну деталь. У Гурко и Ковалевского находились немецкие листовки. Новенькие, чистенькие, не помятые. Словно вчера из типографии. А на допросе Ковалевский показал, что подобрал листовки в поле еще двадцать седьмого июня. Выходит, более десяти дней таскал, – комиссар сделал паузу. – Думаю проверить его бывших дружков.

Телеверов задумался:

– Дело предлагаешь.

– Стараемся, товарищ подполковник.

Степняк вынул помятую пачку «Беломора», не спеша закурил, но, вспомнив, что Телеверов бросил курить, тут же погасил дымящуюся папиросу.

– Извините...

Где-то вдали раздавались глухие взрывы. По дороге, огибающей лес, тянулись груженные подводы, арбы, шли беженцы! Николай Гаврилович снова повторил:

– Только брат не спешите. Держите под наблюдением, чтобы не спугнуть. Будьте осторожны. – Телеверов задержался, перед тем как садиться в машину, у открытой шофером дверцы. – У меня просьба, чуть было не забыл. Жена поручила, а вот я сам не смог, срочно в штаб фронта вызывают.

– Слушаю, Николай Гаврилович.

– Не в службу, а в дружбу. Под Лугой на оборонных работах университетский студенческий отряд.

– Есть такой, кажется, западнее шоссе противотанковый ров сооружают, – сказал Степняк. – Одни девчата в основном, но вкалывают – мужики позавидуют.

– Племянница моя там, студентка первого курса... Ларисой зовут. Лариса Попугаева, брата двоюродного дочь. – Николай Гаврилович вынул из кошелька две красненькие тридцатирублевки. – Пошли кого-нибудь, чтобы передали. Отправилась, понимаешь, в одном легком платьице, как на загородную прогулку. Передай, пожалуйста, пусть купит необходимое.

– А может, ей красноармейскую форму подбросить? – предложил Степняк. – Склады из фронтовой полосы к нам перевозят, а в случае чего палить придется... Все же в брюках и гимнастерке сподручнее лопатой орудовать.

– Подбрось, если не затруднит, – согласился Телеверов и еще раз пожал руку Степняка.

Машина тронулась. Шофер, обернувшись к Николаю Гавриловичу, задал привычный вопрос:

– Куда, товарищ подполковник?

– Домой.

Шофер знал, что слово «домой» обозначает не ленинградскую квартиру, где жил Телеверов, а штаб фронта, особый отдел. Он повел выдавшую виды «эмку» в обход центральных улиц, запруженных потоком людей, и переулками выбрался на окраину Луги. И здесь повернул на проселочную дорогу, потому что по Ленинградскому шоссе нескончаемым потоком шли беженцы.

– Притормози, Михеич, – попросил Телеверов.

Шофер буркнул что-то под нос и нажал на тормоз. Он знал, что подполковник сейчас набьет «эмку» до отказа беженцами и мотор будет перегреваться, с наугой тащить перегруженную машину. И потому, не возражая открыто, лишь нечленораздельно бурчал.

– Людей надо жалеть, а не железо, Михеич, – и подполковник показал на уныло бредущих высокого старика с увесистым спортивным рюкзаком за плечами и старуху с плетеной корзиной в руках, потом на грузную пожилую крестьянку с узлами и на уставшую молодую женщину с двумя детьми: девочка лет десяти с рыжими косичками почти волочила по земле набитую хозяйственную сумку, и пятилетний малыш держался за материнскую юбку, прижимая другой ручонкой к груди плюшевого мишку с оторванной лапой.

– Помоги им, Михеич. Сам я пересяду на переднее место.

Шофер открыл дверцы и помог беженцам втиснуться в машину.

– И нас возьми!

– Подвези, командир, хоть чуть-чуть! Машину окружили, в глазах мольба, отчаяние...

Всех бы взял Телеверов, но машина не резиновая.

– Поехали, – буркнул Телеверов, посадив на колени девочку.

Она была легкая и хрупкая, как тростинка, а в синих, словно нарисованных, продолговатых глазах таились недетская печаль, усталость и озабоченность взрослого человека, битого жизнью, и какая-то упрямая решительность.

– Как тебя зовут? – спросил Николай Гаврилович.

– Меня? Леной... Лена Костикова, – сказала девочка. – А братишку звать Петухом, Петька. Папа наш на фронте воюет. Он командир.

– Издалека идете?

– Из Риги. Из военного городка, там наша квартира осталась. В нее бомба попала. Немцы с самолета бросили.

– Вторую неделю маемся по дорогам, от самой Риги, еле успели выскочить из города, – усталым охрипшим голосом говорила женщина, убаюкивая малыша, – вы даже не представляете, что там творится...

– Далеко немцы не пройдут. На старой границе им ход закроют, – со знанием дела говорил тихим голосом старик. – Еще как остановят!..

– Дай, Господь Бог, силу, останови нечисть поганую, – скорбно шамкала старуха.

Старики как-то быстро притихли и, убаюканные ровным шумом мотора, вскоре задремали. Путь у каждого был нелегкий, и усталость дала о себе знать. Только русоволосая женщина с ребенком на руках, уставившись в одну точку тяжелым, сухим, невидящим взглядом, думала свою нелегкую думу, не веря в то, что и бомбежки, и танки, и война когда-нибудь кончатся...

Машина мчалась лесной дорогой. Долгий летний день угасал. В сосняке тихо смеркалось, длинные тени косо чертили пыльную дорогу, отчего она казалась полосатой и печальной.

Девочка, доверчиво прижавшись к Телеверову, уснула. Николай Гаврилович смотрел вперед, а мысли его были далеко отсюда. И радости в них места не было. Немцы повели широким фронтом наступление не только боевыми частями, но и тайной агентурой. Действуют нагло, самоуверенно и не стесняются ни в средствах, ни в методах. Засылают переодетых в нашу форму диверсантов. На железной дороге возле станции Тапа заминировали рельсы, и мина сработала, когда шел поезд с грузом взрывчатых веществ. Паровоз и три вагона пошли под откос. Диверсанты не обнаружены... Сержант Игорь Миклашевский задержал двоих агентов, переодетых в милицейскую форму. Правда, третьему, главному, удалось улизнуть... У станции Ихала разобрали и повредили около ста метров железнодорожного полотна. В районе Пярну чекисты выловили двух немецких агентов, хорошо вооруженных, и при обыске у них обнаружили рацию... В районе Раквере выстрелом из-за угла убит начальник Политотдела 8-й армии...

А война только начинается. Она не похожа на все предыдущие войны. По размаху, по глубине, по ожесточению. И Телеверов думал о том, что нужно не только обезвреживать агентуру, но и тщательно изучать повадки врага, знать его приемы, методы, выявлять разведывательные центры, секретные гнезда...

Машину трижды останавливал вооруженный патруль, тщательно проверяли документы.

Старший патруля брал под козырек:

– Счастливой дороги!

И снова машина катилась вперед, вздымая колесами пыль. Солнце давно село, и вечерние сумерки постепенно сгущались. Надвигалась ночь, движение по дороге усиливалось. И по

проселочным дорогам в сторону фронта катили грузовики с боеприпасами, шагали колонны бойцов, двигалась своим ходом артиллерия... «Наверняка в Лужский укрепрайон, – определил Телеверов, провожая глазами машины, – там войск почти нету. С опозданием выходим на рубежи. Только бы под Псковом подольше продержались наши».

Машина катила по пригороду Ленинграда. Вдали на светлом небе четко вырисовывались высокие кирпичные трубы Кировского завода, из которых густо валил темный дым. Цеха трудились и днем и ночью. Николай Гаврилович накрыл тужуркой девочку, которая чему-то улыбалась во сне, и с грустью вспомнил о своем Петьке, который десять дней назад убежал из дому на фронт и до сих пор не подает о себе никаких вестей. Предпринятые Телеверовым розыски пока ничего не дали. Жена больше не спрашивает, не задает одних и тех же вопросов, а лишь многозначительно смотрит на Николая Гавриловича, и он не может ничего ответить на ее немой вопрос.

2

Григорий рубил размашисто и точно. Топор мягко и глубоко вонзался в ствол сосны. Щепки, белые и пахучие, разлетались во все стороны и оседали возле дерева на траве. Подрубив с одной стороны, Кульга начал рубить ствол с другой. Потом, отбросив топор, уперся руками и плечом в дерево, крикнул, поднатужился... Сосна глухо скрипнула, качнулась и гулко рухнула на желтый песок.

– Тягач бы какой-нибудь вшивенький, – произнес мечтательно Новгородкин. – Мы бы враз танк вытащили.

Тимофеев стянул с головы шлем, вытер рукавом вспотевший лоб.

– Командир, может, по радио связаться с бригадой? – Глядишь, тягач пришлют...

– Аварийщикам, пожалуй, сейчас и без нас жарко, – нехотя ответил Кульга и крикнул радисту: – Виктор, что слышно?

Скакунов показался в верхнем люке:

– Товарищ старшина, связаться не удастся. Бригада не отвечает... Где-то рядом идет танковый бой. Слышу приказы и команды, кто-то горит и зовет на помощь... И еще наши докладывают, что подбили десять немецких машин.

Кульга быстро взглянул на поверженное дерево, определяя на глаз, сколько может выйти из него бревен, и придирчивым взглядом окинул дорогу, откуда могли нагрянуть немцы. Дорога была пустынная. Он повернул голову в другую сторону и застыл, удивленно расширив глаза. Потом на его лице удивление сменилось радостью. По дороге от домика лесника катила подвода. Старик шагал впереди, держа лошадь под уздцы, старуха семенила следом. На подводе навалом лежали свежие бревна нового сруба.

– Братцы, старик сарай разобрал! – воскликнул Данило.

– Вот это дает!..

Подвода свернула с дороги и направилась к засевшему танку. Лесничий с двустволкой за плечами, покрикивая на лошадь, прибавил шагу. Кульга, вогнав топор в поверженную сосну, бросился навстречу щедрым хозяевам. Ему хотелось обнять, расцеловать старика и старуху, но бывший партизан гражданской войны, разворачивая подводу у болота, незлобно прикрикнул на командира танка:

– Сгружайте бревна – и под гусеницы!.. Вояки, растуды вашу... Эдак вас тут и немцы, чего доброго, в полон с новенькой машиной заграбастают!..

Глава девятая

1

Летний день быстро шел на убыль. Длинные тени пролегли вдоль дороги, как бы указывая стрелками направление пути. В приоткрытые люки вривался свежий воздух, принося аромат цветов, сосновой хвои и грибов. В лесу темнело быстро, и синие сумерки выползали из глухих чащоб, стлались по низинам, и лишь стволы берез, как нарисованные мелом на школьной доске белые линии, светлели на темном фоне густой зелени.

– Кульга, возьми, пожуй, – Новгородкин протянул старшине ржаной сухарь. – А то в брюхе сплошное бульканье.

Григорий с удовольствием откусил от сухаря кусок, не спеша стал жевать. Таких бы десяток да еще кружку кипятка, можно бы и подзакусить. Григорий повертел в пальцах половину сухаря и сунул его водителю.

– Клим, замори червячка.

Тот, сунув в рот остатки сухаря, сказал грустно:

– С горячим хана, командир.

– Перетерпится, – ответил Кульга, считая, что Тимофеев говорит о еде.

– Мы перетерпим, а машина нет. Горячее, говорю, на исходе.

– Горячее?

– Далеко не протянем.

Кульга задумался. Выбраться проселочными путями к Черехе и перебраться на тот берег к своим, видимо, не удастся. Застрять же в лесу не было никакого смысла. Оставалось одно – свернуть на большак и, замаскировав машину, превратить танк в огневую точку. Григорий раскрыл планшет, взглянул на карту. До магистрального шоссе, идущего через Псков на Ленинград, далеко. Ближайшая дорога, мощенная булыжником, по которой наверняка движутся немцы, пролегла почти рядом, в каких-нибудь десяти километрах от деревни Назимово.

– Сворачивай на большак!

На подходе к деревне Назимово в воздухе запахло горелым. Чем ближе подъезжали, тем сильнее несло гарью. На одном из холмов Тимофеев притормозил танк, и Кульга вскарабкался на башню.

Некоторое время он всматривался вдаль, где должна находиться деревня. Там затухало пожарище. Отсюда виднелись лишь отдельные уцелевшие дома. Они сиротливо стояли островками в приглушенном море огня. Дым поднимался к небу черным шлейфом от каждого пожарища, и красновато-оранжевые языки пламени вспыхивали то там, то здесь, озаряя все вокруг багровым отблеском.

Танкисты объехали сожженную деревню по просекам в лесу. Среди сосен и елок осиротело бродили коровы, хрюкали свиньи с поросятами, мирно щипали траву козы. Животные не убегали. Пегая буренка доверчиво пошла навстречу, тяжело передвигая ноги, она несла полное вымя молока и тянулась мордой к танку, протяжно мыча. Тимофеев с жалостью посмотрел на корову. Она напоминала его Пеструшку, только у Пеструшки один рог сломан наполовину, а у этой оба целые.

За деревней, на выгоревшем, темном, искромсанном снарядами поле, Кульга и его экипаж увидели следы танкового сражения. Обгорелые, как черные сундуки, остовы танков с развороченными, продырявленными боками, с разбитыми гусеницами, сорванными башнями, пробитой лобовой броней, иссеченные осколками, перевернутые на бок... Их было много, боевых машин, нашедших здесь свою смерть. На опаленном пшеничном поле торчали тяжелыми

памятниками остовы машин. Одни из них давно сгорели, другие еще чадили жидкими факелами, и смрадный запах горелого железа, красок, кожи душно висел в неподвижном вечернем воздухе. Многие машины обгорели настолько, что Кульга лишь по силуэту мог определить, чьи они – наши или немецкие. Немецкие в основном были Т-III и Т-IV, с короткоствольными пушками. Дважды Григорий принимался считать машины и дважды сбивался. Его поражала ярость борьбы, накал боя. Обе стороны дрались насмерть. Кульга почти не видел машин, подбитых в хвост, в корму при бегстве с поля боя. Большинство встречали свою гибель, как подбает воинам, стальной грудью или были поражены в борт... Григорий живо представлял себе, что тут происходило несколько часов назад, когда они торчали в болоте. И в то же время он смотрел на застывшие, исковерканные танки с каким-то сожалением. Опаленное, изрытое снарядами и перепаханное гусеницами поле казалось огромным кладбищем, на которое свезли и бросили ненужные железные махины.

Наши танки ТБ и Т-26 печально торчали обугленными разбитыми коробками. Кульга с жалостью думал о тех ребятах, которые наверняка и выскочить не успели из этих машин, работавших на авиационном бензине. Они вспыхивали сразу, как факелы. Тут же на поле сиротливо стояли легкие Т-60. Наши танкисты любовно называли их «малютками», «кавеньями»...

– Командир, кажется, машина старшего лейтенанта Черкасова, – Новгородкин показал рукой на небольшой склон, где громоздились три силуэта.

Кульга посмотрел на ту сторону, узнал «тридцатьчетверку». Вспомнил, как получали машины в Ленинграде на Кировском заводе, как Черкасов подписывал документы, а он, Кульга, опробовал эту «тридцатьчетверку». Около танка земля вся изрыта воронками. Два немецких танка, тихо чадающих, застыли перед «тридцатьчетверкой». Левая гусеница на ней была перебита и растянулась на земле плоской змеей. «Расстреливали в упор командирскую машину, – подумал Кульга, – окружили, как коршуны, и клевали со всех сторон».

– Притормози, – приказал Григорий водителю и, спрыгнув на землю, побежал к застывшему, израненному танку.

Перед машиной, на краю воронки, неловко подвернув ногу, лежал на боку механик-водитель, зажимая двумя ладонями рваную рану в нижней части живота. Кульга нагнулся к нему и, встретив холодный блеск открытых глаз, невольно отшатнулся. Неприятный холодок пробежал по спине боксера. Он первый раз видел близко убитого, своего брата танкиста, на месте которого запросто мог оказаться и он, Кульга.

Ближе к танку лежал, задрав неестественно подбородок, смуглый стрелок-радист, раскинув широко жилистые руки.

– Товарищ старшина, я с вами!

Григорий вздрогнул от человеческого голоса в этом царстве смерти, сразу даже не узнал Данила.

– А, это ты... Давай, давай...

– Может, там кто еще жив? – он кивнул на «тридцатьчетверку». – Разрешите слазить?

– Лезь.

Данило проворно взобрался на башню и заглянул в люк. Тут же отпрянул, словно его хлестнули чем-то по лицу, потом повернулся и тихо доложил:

– Наповал, товарищ старшина... Башню не пробило, но от сильного удара разнесло прицельное приспособление... Осколками убило заряжающего.

– А командир? – спросил Кульга с надеждой.

– Не видать нашего старлея, – Новгородкин заглянул и в люк водителя. – Нигде не видать.

У Григория зашевелилась надежда: Черкасов жив! Может, где-то здесь рядом находится, может, ушел к своим. И стало как-то легче на душе.

– В баке горючее имеется, – докладывал Данило.

– Солярка? – в открытом люке показался замазанный Тимофеев. – Много?

– Сверху продырявили, но с пол-посудины осталось, не вытекло.

Клим Тимофеев вместе с Новгородкиным осторожно, боясь пролить хоть каплю, слили горячее в бак своего танка. Механик-водитель сразу повеселел. Да и не только он один. Каждый член экипажа почувствовал себя увереннее.

– Когда колесики крутятся, танкисту веселее жить! – Новгородкин пнул крупный снарядный осколок, потом зачем-то поднял его, повертел в руках и, размахнувшись, швырнул под танк Черкасова.

Осколок низко пролетел над землей и звонко шлепнулся под самое днище поврежденной «тридцатьчетверки». В следующую секунду из-под танка запульсировали вспышки огня и хлестнула длинная автоматная очередь.

– А-а-а! – Тимофеев, падая, схватился руками за левую ногу.

Данило, свалившись в ближайшую воронку, удивленно таращил глаза, не понимая, что, собственно, произошло и почему брошенный им осколок вызвал в ответ автоматные выстрелы.

– Стой! Не стреляй! – закричал Кульга. Он первый сообразил, что под танком кто-то притаился, наверное, раненый, возможно, сам Черкасов. – Свои!.. Русские!.. Не стреляй!

Стрельба прекратилась неожиданно, как и началась. Несколько секунд стояла томительная тишина. Кульга, а за ним Новгородкин стали приближаться к танку.

– Не стреляй!.. Мы свои!..

Вдруг под днищем машины взметнулось оранжевое пламя, и раскатисто грохнул взрыв. Кульга и Новгородкин едва успели плюхнуться на землю, как над их головами со свистом пролетели осколки.

– Подорвал себя! – побледневший Новгородкин жался щекой и телом к земле. – Подорвал!..

Кульга приподнялся, с горечью посмотрел на командирский танк, который жадно стало охватывать пламя и черный дым.

2

Командующий фронтом Маркиан Михайлович Попов оглядел оперативную карту, нервно потирая ладонью родимое пятно на подбородке. Сообщения с участков фронта поступают неутешительные.

– На севере немцы рвутся к Мурманску, – докладывал начальник оперативного отдела генерал-майор Тихомиров, проводя карандашом по карте и показывая на пунктирную синюю стрелу. – Две егерские дивизии и одна пехотная. На Мурманск идут «герои Нарвика», отборные части. Спешат одним ударом убить двух зайцев: взять важный морской порт и отрезать наши войска на полуостровах Средний и Рыбачий... Второй ударный кулак нацелен на Кандалакшу. Рвется вперед германский корпус, усиленный одной финской дивизией. У них цель – перерезать Кировскую железную дорогу. Штаб находится в Рованиеме во главе с командующим северной армейской группой генерал-полковником Фалькенгорстом. Третье направление – петрозаводское...

Маркиан Михайлович слушал Тихомирова, наклонив светловолосую голову, сосредоточенно разглядывая на карте Карельский перешеек. Что ни говори, а этот отрезок фронта из-за близости к Ленинграду был самым опасным, финны с помощью немцев стремятся вернуть Выборг и выйти к Ладоге, вплотную к городу Ленина. На сортавальском участке, самом близком к Ладожскому озеру, идут напряженные бои, немцы с финнами пытаются перерезать железную дорогу, что идет от Выборга на север...

– Разрешите! – в кабинет вошел офицер-направленец с картой Карельского перешейка и телеграфной лентой в руках. Он молча подал Тихомирову ленту и рабочую карту.

Генерал торопливо пробежал текст сообщения и, взяв рабочую карту, стал наносить синим карандашом пунктирные стрелы от Выборга к югу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.